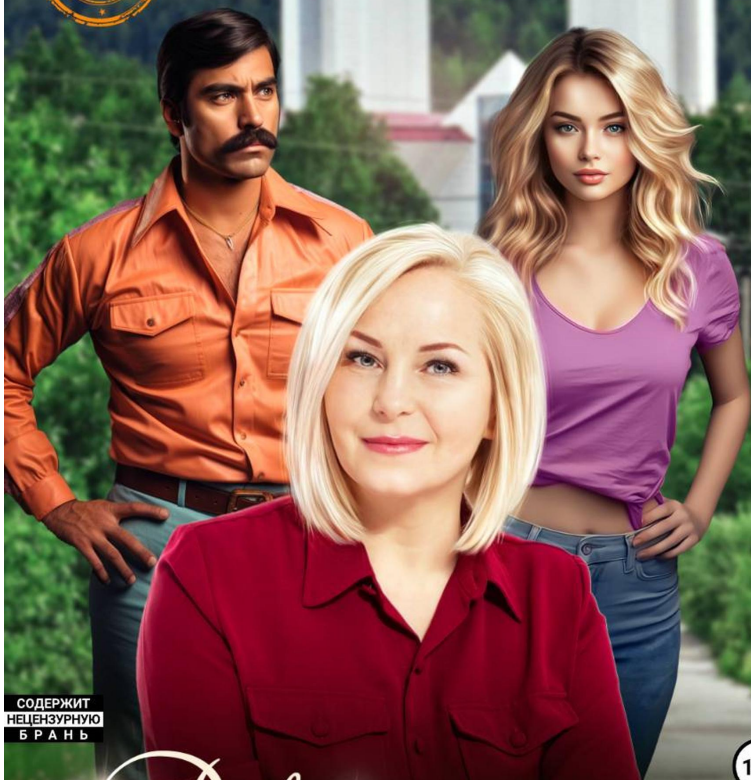

МАКАР ФАЙТЦЕВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Давай друг друга
ОТПУСТИМ

Макар Файтцев

Давай друг друга отпустим

<https://litres.ru/74397693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман-воспоминание, роман-рассуждение, роман-параллель: первая неопытная любовь и любовь возрастная.

Как это важно - отпустить прошлое, чтобы оно не стучалось на подкорку, не навредило грусть, не доставало скелеты из шкафа. Да и сам шкаф пора на свалку. Прошлое не изменить. Его надо принять, простить, сказать "спасибо" и научиться с ним жить.

Содержание

Глава	4
Давай друг друга отпустим Часть 1	5
Глава 1. Наши дни. Бюро детективного агентства «Свинка-Маринка»	5
Глава 2. Наши дни. В коттедже	12
Глава 3. 1989 год. Попутчик	19
Глава 4. 1989 год, декабрь. В поезде	26
Глава 5. 1989 год, декабрь. Дома	33
Глава 6. Январь 1990. Неожиданный гость	39
Глава 7. Озноб восторга и тоски...	46
Глава 8. Встреча	53
Глава 9. Сомнения	59
Глава 10. Горечь разочарования	66
Глава 11. Десятое ноября. Наши дни. Коттедж Коровкина	73
Глава 12. Примирение	80
Глава 13. Подарок	87
Глава 14. Кость	94
Глава 15. Ночной звонок	102
Глава 16. Не ждали... (наши дни)	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Макар Файтцев

Давай друг друга отпустим

Глава

Макар Файтцев

Цикл «Важнячка и авторитет»

Давай друг друга отпустим Часть 1

Глава 1. Наши дни. Бюро детективного агентства «Свинка-Маринка»

*Давай друг друга отпустим,
Как птиц отпускают из клетки,
Дверцу открыл и... пусто,
Только качнулись ветки...
Тамара Шульга (1949-2014), БАМовская поэтесса
12.05.79 газета «Авангард»*

Ещё ноябрь. Но столбик термометра упорно приближался к отметке минус тридцать. Ещё не поздно, всего начало седьмого вечера, но за окном уже расправил свои крылья си-
реневого вечера.

В коридорах стоит спокойная тишина. Почти все ушли домой. Только в одном кабинете горит приглушённый свет.

За длинным столом прямо по центру, подогнув под себя одну ногу, сидит женщина. Вернее, она нависла над разложенными в беспорядке листами бумаги, грызёт карандаш, которым время от времени что-то чиркает.

Внезапно отворяется дверь, и яркий свет коридора нагло врывается и разрезает полутень. На его фоне появляется тёмный мужской силуэт.

– Между прочим, я женился, чтобы жена меня дома ждала с пирогами и компотами, – говорит он. Но в его голосе нет раздражения.

– Видели очи, что хапали, – отвечает ему женщина, не отрывая глаз от бумаг, – Колчак, можешь отправляться домой и начать подготовку к встрече супруги. Так и быть, от пиров я тебя освобождаю, а вот от... – наконец, она поднимает глаза и смотрит на него.

– Понял, – мужчина широко улыбается, но не уходит, а наоборот, делает шаг вперёд, закрывает за собой дверь. Кабинет снова погружается в интимный полумрак.

– Коровкин, ты старый пошляк. Господи, и за какие такие грехи мне на старости лет достался такой неугомонный мерин, – деланно вздыхает женщина.

А у самой душа замирает и медленно опускается туда, откуда начало берёт сама жизнь. Там она, то есть эта самая душа, скручивается тугой пульсирующей спиралью. Пальцы на ногах невольно подгибаются. Женщина сожалеет, что она не босиком. Модные сапоги не дают свободы движений. Непроизвольно она опускает ногу, на которой сидела, крепко сводит бёдра, напрягает ягодичы, отчего пульсация увеличивается.

Мужчина ленивой грацией подходит к женщине. Она сле-

дит за ним глазами, насколько это возможно. Но вот его рука скользит по плечу, широкая горячая ладонь обхватывает полушарие.

Пульсация становится невыносимо сильной.

– Василий Петрович, – стонет она, – вообще-то я на работе.

– Тем интереснее, – его губы совсем рядом. Его аромат действует на неё сильнее афродизиака. Ей хочется откинуться назад, но дух противоречия заставляет её сжаться сильнее.

– Свинка-Маринка, я целый день мечтал о тебе, – выдыхает он ей в макушку.

Она поворачивает голову, прикрывает глаза. Он поглаживает языком её губы, выдыхает в рот: «Сейчас и здесь».

«Увидят», – шепчет она между поцелуями, прогибаясь в пояснице и опираясь на спинку стула.

«Пусть завидуют», – отвечает он и вторгается в её рот своим языком, давая понять, что разговоры окончены.

Его руки ласкают тело. Она сама не замечает, как поворачивается к нему корпусом, как облегчённо вздыхает, когда ничто больше не давит на талию.

Его пальцы проникают под кромку плавок, дразня и лаская. А ей уже хочется, чтобы он заполнил её. Но он не торопится. Он прижимает её к себе, и ей в живот упирается твёрдый, словно стальной, бугор. А он тем временем сжимает с силой её ягодицы.

«Бумаги, только не на бумаги», – стонет она, расстёгивая ремень на его брюках. Скользит собачка от молнии ширинок. Её рука ныряет в расщелину. Она находит то, что скрыто под нежной, словно бархатной, кожей. Обнимает и начинает тихонько манипулировать.

– Марина, кончу прямо себе в штаны, – скрипит он.

– Вот и узнаешь, каково это в сыром ходить, – не остаётся она в долгу, но тут же вскрикивает и закусывает губу.

Он сам расстёгивает свои брюки, перехватывает её руки и разворачивает женщину к себе спиной.

– Вот теперь мы и посмотрим, кто и что узнает, – шепчет он, прижимая её одной рукой к столешнице, а другой спуска с неё нижнее бельё...

Она крепилась как могла, чтобы не кричать. Стиснув зубы, стонала, молила закончить. Всё-таки это рабочий кабинет. Но Василий был неумолим. Он доводил её своими ласками до изнеможения, до потери контроля над собой. Наконец, она сдалась и закричала. В голове вспыхнул фейерверк.

Одевал её тоже он. Медленно, словно смаковал каждое движение.

– Василий Петрович, а дома-то чем займёмся? – шутя спрашивает она, признавая в душе, что на рабочем столе ощущения ярче, потому что запретное.

– Ты сядешь в кресло-качалку и будешь вязать мне носки, – отвечает он и целует её в живот, запуская орду мурашек. Потом поднимается с колена, поправляет свитер и сно-

ва прижимает к себе.

– Ты мне подарила вторую молодость, моя любовь.

– У нас нет кресла-качалки, – отвечает она, пряча своё счастливое лицо у него на груди. С ума сойти, кто бы мог подумать, что и в пятьдесят секс может быть таким звёздным. Да ладно бы с молодым любовником. С мужем, который на десять лет тебя старше. Вот уж истинна поговорка: «Седина в бороду, бес в ребро».

– Поехали в ресторан, поужинаем. С того времени, как женился, забыл, что такое домашняя кухня, – мужчина подходит к шкафу, открывает и достаёт её парку.

– Марина, давай купим тебе шубу. Какую хочешь! Я хочу, чтобы моя жена была самая шикарная.

– Колчак, вот каким ты был показушным, таким и остался. Зачем мне шуба? На плечо сумку не повесь, не говоря уже о рюкзаке. Я всю жизнь носила удобную и практичную одежду.

– Когда-то же надо менять привычки, – усмехается он. Она ещё не знает, что он уже заказал ей шубу в подарок на Новый год. Шикарную, по индивидуальному дизайну.

– Ты вот, с твоих же слов, до пятидесяти лет фригидной была. А сейчас ничего так себе, горяченькая.

– Что значит горяченькая? – она хмурится, но не сердится. Она точно знает, что они перестанут подтрунивать да подкалывать друг друга только на смертном одре.

– А сам-то, наверно, наглотался виагры, вот и стоит нон-стоп. Ладно, вези в ресторан. Кстати, хотела спросить, а где

твоя домработница, та, что готовила? Тётка она, конечно, мрачная, но готовила уж однозначно лучше меня.

– Так у нас по графику медовый месяц вообще-то, я её и отпустил. Я же не знал, что моя благоверная решила его на работе провести.

Марина гасит свет. Выходит из кабинета, закрывает его на ключ. Кабинет находится на втором этаже пятиэтажного здания советской постройки. Кроме её детективного агентства «Свинка-Маринка» здесь располагаются салоны красоты, юридические и бухгалтерские фирмы, дизайнерские и компьютерные агентства и ещё много всяких нужных и полезных микро и макро предприятий.

Василий Петрович ждёт, пока супруга перепроверит, хорошо ли закрыта дверь, возьмёт его под руку.

Они спускаются на первый этаж.

За стойкой администратора сидит пожилой мужчина. Свет от лампы отражается в его морщинистой лысине, обведённой редкой порослью седых волнистых волос. Он смотрит на экран компьютера. Рядом стоит второй экран, разделённый на множество квадратов.

При виде пары мужчина подскакивает, поворачивает голову, улыбается. Его усы раздвигаются, приоткрывая зубы. Лицо изборождено возрастом. Над глазами нависают кустистые брови, под которыми теряются веки. Кажется, что есть глаза и сразу брови. Нос с горбинкой.

– До свидания, Василий Петрович. Говорят, что вы здесь

офис открыли, детективное агентство.

– До свидания, Рафик. Сегодня твоя ночная? Вот, познакомься, моя жена, Марина Вячеславовна. Это её агентство. Кабинет поставь на сигнализацию, пожалуйста. Пойдём, Марина.

Марина смотрела на этого старого мужчину и вдруг удивлённо произнесла:

– Рафик? Ты?

– Что, постарел? – как-то усмехнулся он, – а ты не изменилась совсем.

Глава 2. Наши дни. В коттедже

*Как птица на взлёте – навывлет
Пробита тоской твоих глаз.
И, кажется, должен быть выход,
Да только, увы, не для нас...*
Тамара Шульга
12.05.1979 газета «Авангард»

Эти стихи впервые увидели свет, когда она ещё училась в начальной школе. Но Марина хорошо помнит тонкую потрепанную книжицу своей любимой поэтессы. Эту книжицу ей подарил случайный попутчик. Сказал, что дали в нагрузку. Стихи пришлись юной влюблённой Марине по сердцу. И она носила их всегда с собой, словно молитвы повторяла про себя. Многие из них в те годы она знала наизусть. Сами запомнились.

Сейчас на память приходили лишь отдельные строчки.
«И, кажется, должен быть выход...»

– О чём задумалась? – Василий сжимает руку Марины.

Они сидят на заднем сидении его внедорожника. За рулём – водитель. Ему, Василию Коровкину, бизнесмену и меценату, иметь водителя полагается по статусу.

Она не отвечает, не готова к откровенности. Да и не уверена, нужно ли ворошить прошлое. Узнал её Рафик - и что из

этого следует? Прошло почти тридцать лет. «Да только, увы, не для нас...» Всё-таки какая-то необъяснимая тоска сжимает её сердце. Был ли тогда выход? Стоит ли жалеть о том, что тогда произошло? Ведь поросла память колючей ежевикой. Лучше не трогать, чтобы не кровило.

– Василий Петрович, – мнётся водитель, – я хотел отпроситься у вас сегодня. Жена просила.

– А чего молчал? – строго спрашивает Коровкин. Он не любит, когда подчинённые сообщают о своих планах в последний момент. Привыкли, что он не вредничает. Вот и забываются.

– Простите, я думал, как всегда. Довезу вас после работы и буду свободен.

– Я плачу тебе не за то, чтобы до дому и свободен, а чтобы был под рукой в любое время дня и ночи.

– Борис, – Марина вмешивается в разговор мужчин. Это не её подчинённый. К звёздному положению своего нового мужа Василия Петровича Коровкина, в прошлом криминального авторитета Колчака, она ещё не привыкла, – я сама довезу вашего шефа, если он не в состоянии будет после ужина за руль сесть.

Она видит, как хмурится муж, но не перебивает, не ставит её на место.

– А вы справитесь? – осторожно спрашивает водитель, – гололёд всё-таки.

– Тебе напомнить, как она мастерски угнала эту самую

машину? – усмехается Коровкин.

– Ладно, можешь быть сегодня свободен. Скажи спасибо Марине Вячеславовне. Но чтоб в последний раз.

– Борис, только бить челом и падать ниц не надо, – и она поворачивает своё лицо к Коровкину, улыбается одними губами и приподнимает брови. Ей хочется казаться беззаботной, но у неё это плохо получается.

Не выходка водителя напрягает Василия. Проблемы по бизнесу? Но во рту ещё стоит вкус его губ. Не смог бы он так отдаваться любви, если бы были проблемы. Что-то другое его терзает.

Дом, в котором жил Борис, находился по дороге в ресторан. Василий Петрович не стал вредничать и высадил сперва водителя, а потом повёз свою благоверную.

В ресторане, как обычно, былолюдно. «Нам отдельную кабинку», – бросает коротко Коровкин.

– Василий Петрович, без предупреждения. Все кабинки заняты, – поспешно отвечает ему администратор.

– Значит, в кабинете Антоши накроешь, – Коровкин злой. И, похоже, не собирается злость скрывать. Вот оно, криминальное прошлое, прорвалось всё-таки.

– Ещё вопросы?

– Василий Петрович, пожалейте. Не знал я. Знал бы, придержал, – лепечет администратор.

Марина стоит в сторонке. Она не вмешивается в разговор. Но ей совсем не нравится поведение мужа. Некоронованный

король. Ишь ты. Ничего, если не успокоится, повернётся и уйдёт. Не привыкать. А его она не боится.

– Послушай, кажется, я предупреждал, что для меня кабинка всегда должна быть свободна. Кому сдал? Говори, – ноздри Коровкина раздулись.

– Напомнить, где твоё место?

– Вася, на минутку отойдём, – Марина дёргает его за рукав.

– Пока я с женой беседую, освободил кабинку. Понял? Или у Антоши.

Василий Петрович, недовольно хмурясь, выходит на крыльцо, следом за Мариной.

Под ногами хрустит ещё не утрамбованный снег. Морозец щиплет за щёки. Холодный воздух, минуя нос, сразу попадает в лёгкие. А над головой в струящемся воздухе на тёмном без единого облачка небе ярко горят звёзды.

– Вася, послушай меня, – Марина стоит совсем рядом. Пар, выходящий из её рта, размывает очертания лица Коровкина, – ты сюда приехал барином побыть? Давай-ка этот спектакль без меня разыгрывай. Мы хотели поужинать. Либо мы садимся, где есть место, либо едем домой. Сосиски я сварить сумею.

– Мариша, – он щурит глаза, – я прошу тебя никогда и ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в мои дела. Хорошо?

– Как скажешь, – усмехается она, – ключи от машины дай,

– женщина протягивает руку.

– Зачем? Со мной приехала, со мной и уедешь, – заявляет он категорично.

– Ага, ты паранджу в Катаре потерял, – женщина не стала ждать продолжения «банкета». Она сбежала по ступенькам и пошла прочь. Откровенно, Марина не была уверена, правильно ли поступает. Но и как будет правильно, она не знала.

– Стой, да подожди же ты! – прозвучал за спиной голос мужа. Следом послышались его шаги. Оборачиваться не стала. Только взвизгнула, когда почувствовала, что отрывается от земли.

– Вася, урони-и-ишь, – пропищала, падая на пятую точку. Приземлилась на мягкое, на Коровкина.

– Не ушиблась? – спросил он из-под неё.

– Нет, а ты?

– А что я, просто так прилёт отдохнуть, может встанешь. А то, знаешь ли, не матрас с подогревом подо мной.

К ним уже бежали служащие ресторана. Кто-то увидел их падение.

– Мужики, хоть один лайк появится в сетях, вы уволены, – гремел Коровкин поднимаясь.

– А ты хотел бы дизлайки? – хихикнула Марина.

Коровкин выпрямился, попытался ступить на ногу, но увы, ему это не удалось.

– Как там в шахматах: белые начинают и выигрывают. Первый шах ты мне поставила, – шутит он. – Помогите до

машины дойти, – просит мужчин.

Пришлось ключи отдать Марине. Она села за руль, а муж расположился рядом. Поискала в телефоне адрес травмпункта. Как ни сопротивлялся Коровкин, а в больничку его доставили. Ему повезло. Перелома не было. Просто вывих ноги, да здоровенный шишак на затылке. Хотели на ночь в больнице оставить, вдруг сотрясение, да он не согласился.

Вместо ресторана поехали домой. Марина нашла в морозильнике пачку домашних пельменей. Видно, домработница позаботилась. Видела же, что новая хозяйка и кухня – понятия несовместимые. Отварила. А Василий в это время с камином возился.

– Колчак, а Колчак, ты расскажи, тебя сегодня какая цепа цапнула за задницу, что ты в ресторане таял как грозная болонка?

– Откуда ты знаешь Рафика? – задаёт он вопрос вместо ответа.

– А тебе не всё ли равно? Тебе напомнить, что я вообще-то в этом городе почти двадцать лет прожила. Я знала столько Рафиков, не перечислить.

– И всё же? По молодости он ещё тот ходок был. Женщин было у него по количеству дней в году.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – она идёт в бар, наливает себе бокал красного вина. Он уже выучил её: ей не хочется об этом говорить.

– Пельмени готовы. Садись за стол, сейчас принесу, ране-

ный ты мой.

Она видит его глаза. Они наблюдают за ней. В них скрыта какая-то насторожённость.

– Марина, только честно, у вас с ним что-то было?

– Ты как из анекдота: «Дорогая, скажи, у тебя кто-то был до меня? Почему ты молчишь? Обиделась?» А жена отвечает: «Нет, считаю».

– Мариша, я не хочу, чтобы прошлое стояло между нами.

– Колчак, тогда ты не на ту лошадку ставку сделал, – усмехается она и уходит на кухню. Было ли что-то между ними? «Нет, не было, – усмехается она в душе, – просто лишил меня девственности и развёл как лохушку».

Глава 3. 1989 год. Попутчик

*О чём задумался, друг,
Под быстрый колёс перестук?
Новые песни, новые люди –
Всё впереди, всё ещё будет.
Тамара Шульга*

Завершался тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. Под самый Новый год Марина встретила свою первую настоящую любовь. А случилось это в купе поезда, следовавшего из Владика в далёкую и холодную Нюрку. Любовь нагрянула внезапно, накрыла её с головой и отключила разум. Лишь в одно верила девушка, что её перевод на заочное отделение юрфака – знак свыше.

Как же получилось, что, проучившись два года в родном городе, девушка вдруг решила уехать на край земли?

Если говорить начистоту, то учиться она не очень любила. Ей было скучно. В школу она ходила скорее потусоваться, чем получить знания. На уроках писала сценарии к школьным вечерам, рассказы да стихи. Развлекалась решением сложных уравнений со многими неизвестными и системами, с чрезмерным увлечением собирала приборы на физике. Правда, после того как в очередной раз у неё задымился диод, ей поставили «хорошо» за четверть и попросили

больше ничего не трогать. А ещё она увлекалась Кавказом, вместе с одноклассниками проводила свободное после школы время в стрелковом тире и входила в сборную города по стрельбе.

Таким образом, подойдя к окончанию школы, она понятия не имела, куда приложить свои усилия.

Математика отпадала сразу, ибо дух противоречия был силён. Отец мечтал, что она пойдёт по их стопам и станет тоже инженером-программистом.

Одно время подумывала, а не податься ли ей в цветоводы, но осенний дождь быстро поставил мозги на место: работать в поле в такую погоду не одно и то же, что выращивать цветы на подоконнике.

На УПК за компанию с одноклассницами отучилась на швею-машинистку. Но шить терпеть не могла. Подруги пошли на технологов швейного производства, её же эта карьера не прельщала.

В общем, когда Марина окончила школу, то перед ней стоял громадный выбор из: не хочу, не нравится, совсем не моё. Но поступать пришлось. У девочки из интеллигентной семьи просто не оставалось выбора.

Поэтому ответ на вопрос «Куда пойти учиться» решился методом исключения. Открыла девушка справочник для поступающих в вузы, посмотрела, куда она может сдать экзамены, особо не напрягаясь. Выбор пал на юрфак: и престижно, и предметы все знакомы. А тут ещё подружки помогли:

заявили ей, что без блата на юрфак не поступить. На арбуз поспорили.

Поступить поступила, а дальше? Сидит на лекциях, ворон считает. Учиться Марина не умела. Школу-то без напряжения закончила. Память от Бога была такая, что раз услышать было достаточно. Только юрфак оказался не школой. Первая сессия была для неё сродни холодному душу - одни тройки. Ей было скучно, юристом она себя не видела. Промаялась так два года, а на третий родители подсустились, устроили её оператором в вычислительный центр.

Декабрь. Закончилась первая для Марины зимняя сессия на заочном отделении. Если она толком на дневном не училась, то что можно сказать про заочное? Понятно, что возвращалась с хвостами. В голове зрел план бросить эту юриспруденцию и податься на математику. Всё легче будет. Поэтому хвостам не огорчилась, а в голове прокручивала торжественную речь, которая, без сомнения, должна обрадовать отца.

Во Владике купе заполнилось сразу: три молодых человека и она, Марина.

- Нижнее уступить? – спросил один попутчик, Андрей.
 - Чего спрашиваешь, уступай, – встрял в разговор морячок, Сергей.
 - Может, на моё, – предложил третий, Алексей.
- В те годы в поездах царила особая атмосфера: люди зна-

комились, накрывали общий стол из взятых с собой в дорогу продуктов, делились наболевшим, советовались, менялись адресами и приглашали в гости. Это был особый мир поездов дальнего следования. Места и купе не выбирали, кому что доставалось.

– Спасибо, не надо. Я люблю на верхней, – ответила Марина. У неё с собой был припасён детектив. Она ждала момента, когда заберётся на полку и начнёт читать. Только вот почитать в те два дня дороги ей не пришлось.

Ребята оказались все как на подбор весёлые.

Расселись, получили бельё, заправили постели, по очереди переоделись, проводница принесла чай.

Сергей оказался весёлым балагуром. Он травил байки из морской службы. Вскоре к нему присоединился второй попутчик, Алексей. Тот оказался из «голубых беретов», отслужил в Афгане. Марина и Андрей помалкивали. Да и что было рассказывать девочке, которая жила книжной вымышленной жизнью. Она слушала, широко распахнув глаза. Вот она, настоящая жизнь, не то что у неё. Душа жаждала подвига, а сердце уже созрело для любви.

На первой же остановке все три попутчика выскочили на перрон. Вскоре они принесли девушке подарки: мороженое, пепси и горячий пирожок с картошкой.

– А ты чем занимаешься? Во Владике живёшь или в гости ездила? – спросил один из попутчиков.

– Нет, на сессию. Я учусь там, на юриста.

Она сразу заметила восхищение в глазах молодых людей.

– И как, сдала?

– Ага, – дальше развивать тему не хотелось. Стало стыдно, что плохо сдала.

– Я тоже буду поступать в этом году. На заочные курсы записался, – ответил не без гордости Сергей. – Хочу в морское училище поступать. По океану капитаном плавать.

– А молодой человек-то есть? – спросил Алексей. – Если что, я свободен. Ищу хорошую девушку.

– А сам-то хорош? – смеясь, спросила Марина.

– А как же. Не веришь? Вот, в железнодорожном учусь.

– Верю, верю всякому зверю, а ежу подожду, – ответила Марина своей любимой поговоркой.

– Так парень-то есть? – продолжал её спрашивать Алексей. Она помотала головой. – Во Владике, говорят, самые завидные женихи из морского.

– Ой, вот только не это, – засмеялась Марина. – Говорят, что они очень высокомерные. Их же для загранки готовят.

Самый молодой из попутчиков всё больше молчал да на Марину смотрел из-под пушистых длинных ресниц. Он улыбался, и на щеках появлялись милые ямочки. Русые волосы были коротко острижены. Одет молодой человек был в синий спортивный костюм.

Так, с шутками, анекдотами, игрой в карты они доехали до города на Амуре, где вагон отцепляли от поезда, загоняли в тупик и оставляли на восемь часов. Пассажиры разбреда-

лись кто куда.

Один из попутчиков ездил этим путём уже не первый раз. Он повёл остальных сначала в кино, потом на рынок, а завершил экскурсию в ресторанчике на вокзале, где Марина впервые попробовала суп-рамен. И везде рядом с девушкой, словно случайно, шёл Андрей. Словно случайно, время от времени, он касался руки девушки.

Марина выбрала один из предлагаемых супов в огромной пиале, поставила на поднос и направилась к кассе, чтобы расплатиться. Больше никогда в жизни она не ела такого вкусного рамена как в ту поездку.

– Угощаю, – неожиданно услышала она.

– Я и сама могу за себя заплатить, – ответила девушка, повернула голову и тут же утонула в сером мареве его глаз.

– Ребята тебя вон как балуют, позволь и мне, скромному студенту, внести свою лепту, – Андрей улыбнулся. И от его улыбки ей стало на душе тепло, а сердце забилось часто-часто.

У кого с чего начинается первая любовь, а у Марины – с первой ложки рамена.

Если быть откровенным, то девушке нравились все трое: вежливые, внимательные, заботливые. Но она прекрасно отдавала себе отчёт, что это всего лишь дорога. Выйдут из поезда – и сказка закончится.

– Андрей, а ты тоже в универе учишься?

– Нет, – засмеялся он, – я учусь там, где все высокомерные

воруют девичьи сердца и съедают их на ужин под сметанным соусом.

Глава 4. 1989 год, декабрь. В поезде

*Ну вот, бессонница готова
Одной лишь мысли поворот,
И мнимые стучат оковы
У мной придуманных ворот.
Тамара Шульга*

Сладко спать пол перестук колёс. Марина забралась на свою полку, достала книгу. А молодые люди остались внизу. Заказали ещё чаю.

Они только что играли в карты. Марина любила в этой игре мухлевать. Выигрыши – проигрыши её мало интересовали. Главное, чтобы было весело. Парни оказались понимающие. Не обижались, а только время от времени подсмеивались: «Кто будет мухлевать, того заставим выпить ещё один стакан чая» - и заказывали ей чай.

В общем, было весело. Все трое оказывали ей знаки внимания. Наконец, Марина решила, что больше в неё чай не войдёт, а играть честно не позволяла совесть и, сославшись на усталость, забралась к себе на полку. Достала книгу, открыла. Легла набок и... стала сверху наблюдать за молодыми людьми. Они травили байки. Нет-нет да и поднимет Андрей свои глаза. Встретятся они взглядами. Улыбнутся. Ёкнет сердце девушки.

Так и не прочитала она ни строчки. Стали и парни спать укладываться. Закрыла книгу девушка и повернулась спиной. Только сон не шёл. Кровь пульсировала в висках. А мозг подкидывал самые смелые фантазии, на которые был способен: как обнимает её Андрей, говорит о любви и целует. О большем девушка мечтать не могла. В свои двадцать один она была наивная и плохо себе представляла, что происходит между мужчиной и женщиной.

Мечтала девушка о романтике, о чистых и светлых отношениях. Стеснялась и не понимала, почему влажнело между ног, почему чувствительными становились соски.

Проснулась утром от голоса проводницы. Та шла по коридору и кричала название станции: «Пассажиры, стоянка двадцать минут!»

Потянулась и: «С добрым утром», – услышала она с полки напротив.

Повернула голову и опять провалилась в серое марево. Андрей лежал на полке, подперев голову рукой.

– Молодёжь, купить что? – спросил Сергей.

Странно было слышать от него обращение «молодёжь». Сам-то он был года на два всего постарше.

– Я с вами, – крикнул Андрей, спрыгивая с полки. Мастерки на молодом человеке не было, и белоснежная майка плотно облегала накаченное тело. Спрыгивая, он опёрся руками о верхние полки. Напряглись бугристые бицепсы. – Что купить тебе, лисичка?

– Спасибо, выйду, гляну что есть. А ты как оказался здесь?
У тебя же нижняя, ты мне её уступить хотел.

– Я со старичком поменялся, – засмеялся Андрей, получив по шее шуточный подзатыльник.

– Пиво пьёшь? – последовал вопрос Алексея.

– Не-а, горько, – ответила Марина.

Она спустилась с полки, сунула ноги в сапоги, накинула дублёнку и вышла на перрон.

Декабрьское морозное утро гостеприимно распахнуло объятия. Приятно после жарко натопленного вагона охладиться и даже помёрзнуть. Марина отделилась от попутчиков, купила семечек. Больше ничего не прельстило девушку.

Вот поезд дал первый гудок. Пассажиры стали возвращаться в вагон. Зашли все, кроме Андрея.

– Поторапливаемся. Девушка, заходите, – обратилась проводница к Марине. А та не двигалась. Вдруг Андрей отстанет от поезда? – Девушка, поднимайтесь, кому говорю.

– Сейчас, у нас одного пассажира нет.

– Девушка, давайте в вагон, – строго повторила проводница.

Марина с видимой неохотой поднялась. Проводница встала на нижней ступеньке и посмотрела в ту же сторону, что и Марина.

– Я уверена, в другой вагон заскочил. Не видно никого, – пыталась успокоить Марину женщина.

Поезд чихнул, скрипнул и тронулся как-то лениво. Слов-

но хотел подождать отставшего пассажира.

– Девушка, у нас пассажира нет, – раздался нестройный хор мужских голосов, и в тамбуре показался Андрей, затем высунулась голова Сергея.

– Ещё один? – недовольно пробурчала проводница.

– Андрей! – радостно взвизгнула Марина.

– Здесь она, – крикнул назад молодой человек.

Она, не в силах сдерживать свои эмоции, бросилась ему навстречу: «Я так боялась, что ты отстанешь...» - проговорила смущённо и густо покраснела.

– А мы уже собрались стоп-кран дёргать, – улыбнулся он.

Марина заглянула в его глаза да так и застыла, купаясь в его нежности. Она ничего не видела, кроме чёрного зрачка в центре серой вселенной.

– Прости, – пробормотала девушка, приходя в себя, – я боялась, что ты отстанешь.

– Тогда пришлось бы тебе забирать к себе мои вещи, а потом во Владике искать меня, чтобы их вернуть, – улыбнулся он. Понимал ли Андрей, что перед ним чистая непорочная душа?

Они вернулись в купе. Там уже был накрыт стол: традиционные пирожки, горячая варёная картошка, присыпанная укропом, солёные огурцы.

В город поезд прибывал поздно вечером. Марину провожали всем купе.

– Подожди меня, не уходи, – крикнул Алексей и рванул

на вокзал. Благо, что поезд стоял на первом пути.

Вскоре молодой человек бежал к вагону, а в руке у него были зажаты три красные гвоздики.

– Роз не было, – сказал он, задыхаясь от бега по морозному воздуху, – Адрес записала? Пиши, всегда рад буду!

– Мне тоже, – встрял Сергей, – вот, шишка кедровая, на память от меня!

Марина смущённо улыбалась. Ещё ни разу в жизни у неё не было такой дороги.

Отец Марины, который встречал её на вокзале, кашлянул: «Пора. Хорошей дороги, молодые люди».

– Я найду тебя, – шепнул ей Андрей и сунул в руки тонкую книжицу со стихами.

– Ага, – только и смогла ответить она.

Марина была реалисткой и прекрасно отдавала себе отчёт, что это всего лишь небольшое дорожное приключение. Но сердцу так хотелось любви.

Наши дни. В коттедже.

Ночь давно вступила в свои права. Полная луна освещала комнату. За спиной раздавалось ровное дыхание мужа. Уснул он не сразу. Всё пытался найти место для повреждённой ноги. Она даже хотела уйти спать в другую комнату, но он не позволил. Заявил, что не для того женился, чтобы спать в одиночестве.

– Темноты боюсь, – шутя сказал он.

Василий чувствовал себя виноватым, но ничего поделать не мог. Когда-то он сказал Марине, что прошлое не должно вставать между ними, а вдруг сам же приревновал.

– Милая моя, любимая, прости, день был сложный. Этот ресторан. Понимаешь, моя кабинка всегда должна быть свободна. Я могу с деловым партнёром прийти, с тобой. А они... – не хотелось ему раскрывать истинную причину своего гнева. Марина ничего не ответила, только легла на край кровати и бросила коротко «спи».

Он уснул быстро. Она же никак не могла. Встала, подошла к окну и замерла, любуясь зимней ночью.

И вдруг, как тогда, много лет назад, неожиданно пошёл крупный пушистый снег. Он красиво танцевал в лунном свете.

«О нет», – прошептала Марина.

– Что-то случилось, Мариша? – послышался за спиной голос Василия.

Она вздрогнула, обернулась. Он сидел на кровати и смотрел на неё. Лунный свет смягчил черты его лица. Он казался ей каким-то милым и домашним.

– Нет, просто... – она поморщилась, – голова немного болит. На снег.

– Не умеешь ты врать, – тихо проговорил он, сполз с кровати и, прихрамывая, доковылял до супруги. – Ну ты чего? Из-за ресторана? Прости, – он обнял её, прижал к своей груди. – Зачем тебе ночнушка... – недовольно пробормотал,

приподнимая подол.

– Не умею, как ты, спать без всего, – вздохнула она, обхватила за талию и прижалась щекой к его груди. – Коровкин, давай без глупостей, – пробормотала, почувствовав, как крепчало его желание, – ты уже получил сегодня своё.

– Во-первых, это было уже вчера, а во-вторых, прости, забыл, склероз.

Он запустил руку в её волосы, потянул их слегка, заставляя запрокинуть голову и приоткрыть рот. «Сладкая», – прошептал ей в губы.

Глава 5. 1989 год, декабрь. Дома

*Едва на дно хрустальной вазы
Проник рассветный тонкий луч,
Проснулся мальчик сероглазый
весёлым солнцем из-за туч.*

Тамара Шульга

«Амурская правда», 16.12.1978

В ту ночь уснула Марина уже под утро.

Она долго стояла около окна, перед тем как идти в постель, смотрела на падающий снег и представляла, как в купе, смеясь и подшучивая друг над другом, играют в карты Андрей, Сергей и Алексей. А вдруг к ним посадили новую попутчицу? Сердце тотчас сжалось от боли. Ей захотелось стать птицей, чтобы догнать петляющий среди сопот состав и заглянуть в ставшее родным окно. Как там её сероглазый? Помнит ещё её или уже не вспоминает?

Девушка с жалостью посмотрела на гвоздики, которые не выдержали испытание морозом и теперь безжизненно сползали по стенкам хрустальной вазы. Жаль. Ведь зимой они стоили целое состояние. От чистого сердца были подарены.

Поставила кедровую шишку на подножье настольной лампы. Подумала, что надо бы украсить мишурой, пусть будет маленькой ёлочкой.

Улыбнулась. Этот тысяча девятьсот восемьдесят девятый год так славно заканчивался. Она верила, что счастье перейдёт с ней в следующий год. Она ещё не понимала, что наступали лихие девяностые, которые перекуют тихую скромницу в важняка, языкастого и циничного.

А пока фантазия девушки рисовала счастливую невесту, молодую маму. Ей много-то и не надо было: всего лишь любовь и семью.

Марина буквально уговорила себя лечь в постель. Но сон никак не шёл, а в голове звучало танго колёсной пары, которое, в общем-то, и убаюкало её.

Проснулась девушка поздно, уже в обед. Родителей дома не было, они ушли на работу, сестра ещё не вернулась из школы, собака ради приличия, не вставая с коврика, махнула своим хвостом, а кот расщедрился и приоткрыл один глаз.

На работу – в ночную. Работала она по графику: день, ночь, сорок восемь.

Девушка быстро натянула на себя спортивный костюм, который почему-то был любимой домашней одеждой в советские времена, забралась в прихожей с ногами в кресло и набрала рабочий номер подруги.

– Айгулька, представляешь...

Айгуль работала воспитателем в детском саду. Сейчас у малышей был тихий час, а у подруги свободное время. Немного, пока её подменяла нянечка.

Наши дни, в коттедже.

– Мариша, как ты думаешь? Может, съездим куда-нибудь на Новый год? – Коровкин сидит на кухне и смотрит, как хлопочет Сюзанна, домработница, которую он отозвал из отпуска. Всё равно они никуда не поехали и, как оказалось, женщина тоже.

– Не знаю, – пожимает плечами Марина, – наверно, слишком дорого сейчас покупать путёвки. Надо раньше было.

– А ты бы куда хотела? Хочешь на Бали?

– Вася, вот только без длительных перелётов. Я самолётов боюсь, – отвечает женщина и подходит к кофемашине.

– И потом, ты мне машину обещал. Она нужнее. Вот сегодня ты дома, а мне в офис надо. У меня работа.

– Иди ко мне, свинка-Маринка, – Коровкин протягивает руку и ловит свою супругу. Тянет её на себя.

Женщина не может противиться мужской силе. Плюхается мужу на колени. Сюзанна понимающе выходит из кухни и закрывает дверь.

– Василий, неудобно как-то, – смущаясь, бормочет Марина, пытаясь убрать мужские руки со своего тела. Прячет своё лицо у него на груди. Они смеются как два проказника.

Коровкин не обращает внимания на сопротивление супруги. Перехватывает её руки одной рукой, а другой тянет свитер вверх, натягивает его ей на голову, отпускает её руки и быстрым движением скидывает свитер на пол.

– Всё, теперь мне ничего не мешает любоваться моей дра-

гоценной.

– Василий, – строго говорит Марина и тут же смеётся. Мужчина своим колючим подбородком проводит по её шее, – не царапайся.

– А ты не сопротивляйся, не то ещё и засос поставлю, – он довольный. Одной рукой прижимает её к себе, а другой отгибает край чашечки бюстгалтера. Заглядывает в чашечку. Языком проходится по коже, оставляя мокрый след. Сосок мгновенно напрягается. Тогда Василий обхватывает ладонью полушарие, наклоняется и вбирает в себя.

Женщина стонет от наслаждения. Сводит ноги и прогибается в пояснице. Зачем строить скромницу, когда можно получить всё сразу?

Василий долго языком ласкает её грудь.

– Пойдём, – шепчет он, целуя в губы.

Она не спрашивает, куда и зачем. Без слов было понятно. Его член уже давно упирается ей в бедро.

Она встаёт, но не успевает сделать и пары шагов, как он обхватывает её за талию руками, притягивает к себе, обвивает здоровой ногой и начинает покрывать живот мелкими колючими поцелуями.

Марина дышит прерывисто, прикусив нижнюю губу, ожидая желанного продолжения. Этот мужчина сумел её подсадить на те ласки, о которых она до своих пятидесяти стеснялась думать. И вот сейчас ей, как наркоману, хочется ещё и ещё. А он медленно, сантиметр за сантиметром покрывая

её кожу поцелуями, спускается по дорожке, расстёгивает её брюки и стаскивает их вниз, ворча, что дома можно и без них ходить.

– Мне. На. Работу. Надо, – задыхается она и цепляется руками за его волосы.

Откидывает голову назад, стонет. Она хотела его так, как не хотела никого и никогда. Безумная страсть. Она умирает. Возрождается и снова умирает.

1990. Январь. Дискотека.

Пролетели новогодние праздники. Дни стояли морозные, но это не помешало Марине и её друзьям встретить Новый тысяча девятьсот девяностый год на площади около высокой ёлки. Музыка, горячие шашлыки, катания с горок, танцы, смех. Первого января отсыпались до обеда, а потом пошли по друзьям–товарищам доедать оливье, селедку под шубой, мимозу, по блату купленные венгерские яблоки, тепличные помидоры и огурцы, запечённые в чудо-печке припасённые к празднику куриные ноги, сваренный из костей холодец. Хвастались подарками, мерили обновки и снова ходили по гостям, неся с собой остатки оливье, селедки под шубой, надоевшей всем икры и красной рыбы.

В эти весёлые дни завязывали знакомства, признавались в любви, ссорились, расставались.

Местом встречи местной молодёжи были дискотеки. В городе их было две: одна, «Голубика», в небольшом дощатом

здании на окраине города, а другая, «Брусника», – в центре, в новом кирпичном клубе.

Марина вместе с друзьями обычно встречались сначала в «Голубике», а потом перебирались в «Бруснику», которая заканчивала свою работу позже.

По традиции весь жадный до танцев народ сначала шёл в местный киноклуб, где знакомая Марине киномеханик и контролёр кинозала в одном лице пропускала её с Айгуль бесплатно. Девчонки усаживались на последний ряд и наблюдали, кто пришёл в кино. От этого зависело, а стоит ли сегодня идти в «Голубику» или сразу стоит направиться в «Бруснику».

Оценив обстановку, девушки помогали киномеханику убраться в зале, чтобы не явиться на дискотеку слишком рано. Минут через тридцать после начала танцев, они заявлялись, где их поджидала знакомая компания.

Глава 6. Январь 1990.

Неожиданный гость

*Я прошу, улыбнись на прощанье,
Раствори в моём горле комок.
До свиданья, родной, до свиданья...*

Убегает земля из-под ног.

Тамара Шульга

Дальний Восток. № 3. 1985 г.

В полутёмном зале «Голубики» народу не то что яблоку - орешку стланика¹ негде упасть. Под потолком крутились шары, отражая от своей стеклянной поверхности свет, направленный на них прожекторами. Народ весело скакал под заводные мелодии так, что в сапогах ногам было жарко. То и дело выскакивали на улицу кто покурить, кто просто перевести дух.

Около крыльца дым сигарет смешивался с паром, вылетающим из открытых дверей. Один за другим тормозили такси, высаживая пассажиров.

– Сейчас Маринка рванёт к той компашке, – прокричала Айгуль третьей подруге, Лене.

¹ Кедровый стланик – хвойный кустарник с шишками, напоминающими кедровые, только меньшего размера.

– Нет, спорим, останется здесь. Смотри, Манас здесь же, – пытаюсь перебить музыку, ответила ей Лена.

– О чём спорим? – Марина посмотрела на подруг, которые что-то орали друг другу в уши и хитро поглядывали на неё.

– В какой угол ты рванёшь, – ответила ей Айгуль и засмеялась, – смотри сколько здесь красавцев.

О том, что Марина была равнодушна к ребятам с Кавказа, знали все ближайшие подруги.

Девушка просто была влюблена в историю, литературу, культуру Кавказа. При первой возможности она заводила знакомства с теми, кто приехал из тех регионов. Она как губка впитывала всё, что ей рассказывали, уж больно сказочным ей казался тот мир.

На молодёжной комсомольской стройке БАМ, где и проходили события, был собран весь Советский Союз, который на тот момент ещё не распался. Ребята - армяне, азербайджанцы, грузины, узбеки, русские, украинцы, белорусы и многие, многие другие - работали на трассе в мороз и в жару, пятнадцать дней через пятнадцать. Они прокладывали Байкало-Амурскую Магистраль. Другие пятнадцать дней они жили в городе, в бараках. Так назывались щитовые одноэтажные временные дома. Удобства – на улице.

Но город отстраивался. Бараки сносились, жителей переселяли в капитальное жильё.

Клуб «Голубика» находился в таком барачном посёлке, состоящем из рабочих общежитий в том числе. Приедут вах-

товики с трассы, приведут себя в божеский вид - и на дискотеку. Дело-то молодое.

– Хватит уже прикалываться, – засмеялась с девчонками Марина, – я принца своего жду, сероглазого.

Если начистоту, то она мало верила в продолжение дорожного романа.

Её сероглазый Андрей в эти праздничные дни звонил регулярно, в строго установленное время. Да и как же иначе, ведь сотовой связи ещё не было, только стационарные телефоны.

А сегодня, Марина это точно знала, он отправлялся в обратный путь. У него заканчивались каникулы. Будет ли он звонить ей из Владика - кто его знает.

– Неужели никого не приглядела? – подкалывали девчонки.

Зазвучал медляк. Диджей объявил белый танец. Айгулька с Леной встали рядом, словно занимали круговую оборону, чтобы не пропустить, на кого положила свой глаз Марина.

Девушка не заставила их долго ждать. Неожиданно рванула на полной скорости через танцпол, восклицая «Этого не может быть! Сумасшедший!»

Подруги, понятно, не могли пропустить этой сцены и побежали за Мариной.

Она сама так и не поняла, как при своём небольшом росте заметила его. Полутёмный зал. Плотно утрамбованные, медленно двигаются пары. А он стоял в проходе, освещён-

ный со спины, лишь чернел его силуэт. Как поняла она, что это был он? Сердечко подсказало? Почувствовала? Звёзды так сошлись?

– Андрей, сумасшедший, ты что здесь делаешь? – её глаза сверкали как два алмаза.

– Мариша, любимая, я искал тебя! – дурацкая улыбка расплзлась по его лицу.

– Но как? Поезд во сколько? – она продиралась к гардеробу, распахивая желающих попасть на дискач, – миленькие, пожалуйста, опаздываю на поезд.

Кто-то выхватил номерок из её руки, и вот уже над головами продвигалась в обратном от окошка гардероба направлении её дублёрка.

– Через полчаса. Представляешь, я нашёл тебя. Здесь! В этом городе, – он продолжал смотреть на неё и глупо улыбаться.

– Дурачок, – прошептала она.

– Маринка, это кто? Он явно не оттуда, – громко зашептала Айгуль.

– Оттуда, Айгулька, оттуда. Андрей, это мои подруги - Айгуль и Лена, ну, побежали! – она схватила его за руку и потащила за собой, обернувшись, крикнула девчонкам, – это Андрей! С поезда!

Белая двойка² стояла около крыльца и пускала густой дым из выхлопной трубы. Около окна водителя толпилась

компания.

– Не могу, понимаете, не могу! Обещал подождать, – отбивался от них бомбила³.

Андрей и Марина заскочили на заднее сидение: «Нашёл! Поехали!» – коротко бросил молодой человек.

– Андрюша, дурачок, сумасшедший, – шептала Марина, счастливо улыбаясь и глядя в его серые бездны.

– Как нашёл-то меня? Ты же ни разу в нашем городе не был.

– Я домой к тебе приехал, отец сказал, что ты на дискотеке. Спустился, рассказал водителю, где тебя можно найти. Хороший у тебя отец. Хорошо, что в первом клубе оказалась, а то пришлось бы дальше ехать, – он говорил и дышал на её руку, которую держал около губ.

– Маринка-корзинка, я тебя нашёл. Представляешь?

– Представляю, если ты на поезд опоздаешь, – смеялась она, а глаза так и бегали по любимому лицу.

– У тебя останусь, примешь?

Девушка резко вспыхнула, словно кто-то зажжёт внутри неё фитиль.

– А вещи? Вещи твои где?

– Вещи во Владик поедут, – неожиданно он обнял её, прижал к себе и прошептал в висок: «Я хочу тебя поцеловать. Можно?»

«Можно, только я не умею», – она смутилась и посмотре-

³ Частный извоз или таксисты того времени

ла на водителя. Целоваться, да ещё и в присутствии постороннего человека, было за пределами её воспитания.

«А мы так, чтобы никто не увидел», – Андрей правильно понял реакцию девушки.

Он прикоснулся губами к её. Его губы были сухие и колючие, словно покрытые тонкой глазированной корочкой.

Марина губ не раскрывала, она просто не знала, что ей делать. Это был её первый настоящий поцелуй. «Я себя для него берегла», – билась мысль венкой на виске.

Она почувствовала, как его язык очень осторожно погладил её губы, пытаясь их раздвинуть. Девушка на мгновение приоткрыла рот, впустила язык, но почти сразу смутилась, прервала поцелуй и прижалась к груди молодого человека своей щекой.

– Ты чего? – его вопрос был наполнен нежностью.

– Я... я... – она не знала, как ему сказать, что у неё ещё ни разу в жизни не было настоящих взрослых отношений.

Он гладил её по волосам и шептал: «Я нашёл тебя, Мариша, я нашёл тебя. Как же мне не хочется расставаться!»

Водитель тактично кашлянул.

– Приехали? – спросил Андрей.

– Приехали, – ответил тот.

– Бегите, а то на поезд опоздаете.

– А вы её дождётесь? – Андрей уже выходил из машины.

– Куда же я денусь, дождусь твою красавицу. Ну, бегите!

На улице Андрей достал кошелёк, достал оттуда купюру

и подал водителю: «Этого хватит»?

Тот кивнул.

Марина и Андрей, взявшись за руку, побежали на перрон. Поезд уже дал гудок. Проводница, завидев молодого человека, закричала: «Быстреей, отправляемся!»

Скользя по морозной платформе, они добежали до вагона. Андрей обхватил лицо Марины обеими руками, наспех поцеловал, заскочил на подножку: «Милая, теперь твоя очередь искать меня! Я люблю тебя!»

Поезд тронулся. Марина шла рядом с вагоном, придерживая одной рукой распахивающиеся полы дублёнки.

– Иди, остынешь! – отправлял её парень, но она мотала головой и всё шла и шла, пока не закончилась платформа.

Горячие слёзы катились из глаз. Слёзы первого расставания. Она их глотала. Они были солёными. Девушка смотрела, как исчезает в ночной мгле красный огонёк состава. Опустила усталую руку, платком вытерла глаза и побрела к такси. На душе было грустно, она рвалась за любимым.

Глава 7. Озноб восторга и тоски...

*Пока не ожила душа
И снова ей не стало тесно.
Ночь продолжалась не спеша,
И я была в ней бестелесна,
Пока не ожила душа...*

Тамара Шульга

«Дальний Восток» 1985 г. № 3

Бомбила дождался девушку. Его машина одиноко стояла на парковке, покрытой плотным утрамбованным снегом. Это был последний пассажирский состав. Все таксисты разобрали пассажиров. Ушёл и последний в город автобус. Остался только он. Следующий состав утром. Дым из выхлопной трубы стремился вверх. Цифры на метео-табло медленно после знака «минус» шли на возрастание.

Морозец крепчал, щипал за нос, обжигал щёки, проникал под распахнутые полы дублёнки. Марина медленно, как бы нехотя, поплелась к машине. Слезы уже высохли, но сердце сжалось в горошину. Дышать было сложно. «Вот и расстались», – вздохнула она.

– Ну что, куда теперь? На дискотеку или домой? – спросил мужчина, подождав, пока девушка заберётся на заднее сидение.

– Домой. Какая тут дискотека? – горестно проговорила она.

– Чего грустишь? Он же сказал, что любит и ждёт, – решил он подбодрить девушку.

И её словно прорвало. Эмоции фонили. Она забыла о том, что это всего лишь бомбила, которого она видела впервые в жизни. Ей необходимо было поделиться своим счастьем и своей тоской. Слова вылетали как из пулемёта.

– Как нашёл он меня? Это невероятно! Впервые! В чужом городе! Понимаете? Мы в поезде познакомились! Десять дней назад! Звонил! Он часто звонил! Сказал, что найдёт! Не верила! Я ему не верила!

Мужчина слушал и улыбался.

– Он у тебя молодец. Торопил меня. Говорил, что должен тебя найти.

– Да, да, он такой! Нашёл! Обещал и нашёл! Понимаете, нашёл. Я стою с девчонками, смотрю, а он в проходе. Как узнала, до сих пор не понимаю.

– Сердце подсказало.

– Вы думаете? Наверно, интуиция. Словно кто-то ткнул меня в спину.

Водитель с удовольствием поддерживал беседу. Восторженность, ликование, радость и лёгкая грусть от расставания – всё было в её рассказе.

– Приехали, – сказал он девушке, которая с удивлением посмотрела на родной дом. Словно видела его впервые.

– Как? Откуда вы знаете, где я живу? Я же не сказала адрес, – неожиданно проговорила она.

– Точно влюблённая, – засмеялся мужчина, – я же отсюда начал твои поиски.

– Точно, – хлопнула себя по лбу Марина, – вот я глупая. Спасибо, сколько я должна?

– Нисколько, твой заплатил.

Девушка выскочила из машины и побежала к подъезду.

Такси сделало круг, притормозило, водитель открыл окно и крикнул: «На свадьбу не забудьте пригласить! Я бесплатно покатаю!»

– Ладно, если позовёт! – засмеялась Марина.

И полетели письма в обе стороны, и зазвучали звонки. Звонил в основном он. Он знал график её работы. Звонил на работу, звонил домой. Она тоже ему звонила, но реже: заказывала звонок, он получал телеграммы с уведомлением о времени и дате звонка.

По два письма в неделю в каждую сторону. Они летели от одного города к другому, полные нежности и трепетной любви. Она о чувствах писать стеснялась, словно боялась сгладить своё счастье. Всё больше рассказывала о своей жизни и обязательно делала приписку, что скоро приедет, пусть ждёт. Она была робка и стеснительна, словно попала нечаянно на чужой праздник и не знает, а рады ли ей.

Он писал о своих друзьях, о своих чувствах, как скучает

и ждёт. А ещё они строили планы: как он её встретит, куда пойдут, чем займутся.

Девушка серьёзно взялась за учёбу. Теперь у неё был стимул рассчитаться с хвостами. Дискотеки были заброшены, ведь у неё появился парень. Марина честно его ждала и хранила верность. Она не загадывала далеко. Она дышала и жила настоящим моментом.

– Мариша, представляешь, мой сокурсник женится, – сообщил ей Андрей буквально накануне её отъезда во Владик. – Я буду свидетелем на свадьбе. Ты идёшь со мной.

– Свидетельницей? – засмеялась она, – или невестой?

– Нет, ты будешь моей парой. Он так и написал в приглашении. Сейчас я тебе его зачитаю, – девушка услышала, как на том конце провода прошелестела бумага, а потом снова зазвучал голос Андрея. – Дорогие Марина и Андрей, мы приглашаем вас на день нашего бракосочетания. Это же здорово!

Конечно, это было здорово. Марина достала из шкафа своё самое лучшее платье: рукав - реглан, покрой по косой, юбка полусолнце, пояс с блестящей пряжкой. Платье было в полоску по диагонали: кремового и шоколадного цвета. Приготовила светлые туфли.

– Мама, как ты думаешь, это платье подойдёт для свадьбы? – скептически она осмотрела свой наряд. Это платье побывало уже на нескольких свадьбах, и ни разу она не задумывалась, а достаточно ли оно хорошо.

И вдруг ей вспомнилось другое платье, которое она видела на рынке во Владике у фарцовщиков: тёмно-синее с блёстками. Оно напоминало ночное небо в ясную погоду. Платье стоило дорого, пятьдесят рублей. «Пожадничала, не купила», – корила себя девушка. Как бы оно ей сейчас пригодилось. Подумала, подумала и прибавила к деньгам на дорогу эту сумму, на всякий случай, - вдруг будет возможность сбежать на рынок за платьем.

Книги были собраны, предметы вызубрены, вещи уложены, подарок подготовлен. Марина стояла на перроне и смотрела, как прибывает состав, который ровно через час тронется, чтобы отвезти её к любимому.

Коттедж. Наши дни.

– О чём задумался мой котёнок? – Василий поднялся по лестнице на маленькую уютную площадку, расположенную между этажами.

Ещё в самые первые дни, когда Марина гостила у Коровкина, если можно так назвать её пребывание здесь в то время, она облюбовала этот уголок. Он находился в левом углу лестничной площадки, соединяющей лестницы с первого на второй этаж. Этот угол был огорожен перилами. Женщина принесла сюда миниатюрный столик, на который можно было поставить одну чашку с чаем и блюдце с пирожным. Правда, чаще на этом столике стояли пиалы: побольше - с семечками и поменьше - для шелухи. Бутылка воды стояла

под столиком. Сама женщина забралась в кресло, подогнув ноги и укрыв их клетчатым пледом, скорее для уюта, чем для тепла.

– Вот только не надо сюда, здесь и мне одной места мало, – пробурчала она. Однако положила закладку между страниц книги, которую держала в руках. Но не читала. Не читалось. Воспоминания никак не хотели её отпускать.

Сегодня она опять столкнулась с Рафиком. Перекинулись парой ничего не значивших фраз. Больше и не успели, как в помещение ураганом ворвался Василий Петрович.

– Добрый вечер, Рафик, как служба? Извини, торопимся. Марина, пошли, – резко произнёс он.

Марина попрощалась: «Пока, до встречи!» - и не торопясь, словно дразня Коровкина, направилась на выход.

– Опять в ресторан ругаться с администратором или сразу в травмпункт? – спросила она с издёвкой, когда села в машину.

– С чего взяла. Нам и правда некогда, – Василий сидел на переднем пассажирском.

– Уже придумал, куда рванём? Или низко полетаем вокруг города?

– Полетаем, – буркнул он.

– Сальник, – обратилась она к мужчине за рулём, – А ты чего сегодня вдруг бомбилкой стал? Или последний водитель не выдержал гнева сильного мира сего?

– И вам добрый вечер, Марина Вячеславовна, – улыбнулся

в зеркало заднего вида верный помощник Коровкина.

– Мне в магазин один надо, для дома. Заедем. Васенька, у нас же есть время до начала полёта? – ох, и бесит она Коровкина.

– Сальник, тормознёшь около магазина.

В магазин Марина отправилась одна. Мужчины остались в машине.

– Василий Петрович, куда едем-то?

– Домой хочу, – он глянул на часы, словно и вправду торопился. – Что ей понадобилось? Вроде всё есть.

– Ступу. Полетать же, – засмеялся Сальник.

В это самое время из магазина вышла Марина. Она несла в руке огромную уличную метлу: «Я просила не заворачивать, так полечу», – сказала женщина под дружный хохот мужчин.

Глава 8. Встреча

*Не каюсь –
Было бы нелепо,
Когда так щедро нам дано
Любить болезненно и слепо.
Любить!*

А после – всё равно.

Тамара Шульга

«Дальний Восток», 1985, № 3

1990 год. Февраль

Марина уже с получаса как стояла около окна и смотрела на дачи и посёлки. Её сердце уже не билось, оно бешено колошматилось о грудную клетку, требуя его выпустить. Ещё немного, ещё чуть-чуть, и они встретятся.

– Ну что, умираешь от нетерпения? – спросил попутчик.

– Ага, вот увидите, какой он, – конечно, она не могла ехать молча. Счастье распирало её, и ей хотелось поделиться им с другими.

Поезд пришёл минута в минуту. Он медленно протягивал своё многосоставное тело вдоль перрона. Толпа встречающих была немногочисленной. То там, то здесь мелькали бескозырки и фуражки. Но не было знакомого лица.

Наконец, состав встал. Вздрогнул. Выдохнул. Скрипнул.

– Пассажиры, выходим. Не забывайте свои вещи, – на весь

вагон без рупора кричала проводница.

– Помочь? – спросил попутчик и подхватил Маринин чемодан.

– Спасибо, – она смотрела в окно, а не под ноги, отчего постоянно спотыкалась.

Они вышли в промозглый февраль. Попутчик поставил её чемодан на белый перрон:

– Теперь куда? – спросил он. – Не видать?

– Нет, – покачала головой девушка.

– А где живёт, знаешь?

– В общежитии. Знаю адрес. Спасибо, я подожду. Он сейчас подойдёт, я уверена.

Попутчик махнул на прощание рукой и скрылся за поворотом, а она осталась ждать. И как в ту морозную ночь, когда он нашёл её на дискотеке, она осталась одна. Пассажиры и встречающие разбежались. Только сейчас ярко светило солнце на чистом голубом небосводе. Влажный воздух оказался противным и холодным. Но чирикали воробьи, что скрашивало её одиночество.

На скамейке сидели три бомжа: синяк⁴, женщина и юноша. Женщина отмахивалась, юноша дёргал её за руку и просил уйти: «Мама, ну, пожалуйста, холодно здесь». А мужик спал, опустив голову на грудь.

– Замёрзнет. Надо забрать, – едва шевеля языком проговорила женщина.

⁴ Пьяница, алкоголик.

– Мама, ну его, пойдём, простынешь. Пойдём на вокзал.

– Замёрзнет. О, смотри, кривой пришёл. Кривой, на вокзал. Че урвал? – женщина переключилась на другого синяка.

Марина от нечего делать наблюдала за бомжами. Молодой человек вызывал в ней симпатию. Она видела, как трепетно он относился к своей пропащей матери. «Жаль, что у него без вариантов», – подумалось девушке.

Немного поспорив, подхватив за руки спавшего, бомжи дружной толпой, не обращая ни на кого внимания, направились к вокзалу.

Марина посмотрела на часы. Прошло уже полчаса, как пришёл поезд, а Андрей так и не появился. Больше здесь делать ей было нечего.

Девушка зашла на вокзал, сдала в камеру хранения свой чемодан, захватив с собой только книжки, и отправилась на поиски общежития. Вдруг что-то случилось? В справочном бюро на привокзальной площади ей подробно рассказали, как добраться, поэтому она долго не плутала, а нашла общагу сразу.

Внизу на проходной сидел курсант в морской форме. Марина сказала, что она приехала к Андрею.

– Ты Марина? – она кивнула. – Он уехал тебя встречать ещё утром. С занятий отпросился. И не встретил? – она помотала головой, а у самой губы расплзались в улыбке.

– Где-то разошлись, – она пожала плечами. – Я подожду здесь? – и показала на стулья около стены.

– Имей в виду, не положено посторонних пускать в общежитие. Поняла? – спросил курсант. – Поднимаешься по лестнице, если кто из офицеров спросит, скажешь, что его сестра. Ясно?

Что же тут неясного?

– Там Димка должен быть. Его товарищ по кубрику⁵.

– Не, Димка ушёл, я сам видел, – раздалось сзади. – Это Марина? К Андрею? Где вещи, давай донесу до комнаты. Скажешь им, что она у меня. Давай знакомиться, я – Славка.

Высокий и худой словно жердь Славка привёл Марину в свой кубрик.

– Какой порядок! – восхитилась девушка.

– Попробуй устрой беспорядок, сразу получишь наряд вне очереди⁶ или в увольниловку не отпустят.

Славка налил девушке чаю, спросил, не голодна ли она, взял в руки учебник и сел заниматься. Марина порадовалась, что прихватила с собой книги и конспекты. Только достала, чтобы тоже подготовиться, как дверь распахнулась и в кубрик заглянул круглолицый парнишка.

– Славка, где наша гостья?

– За столом. Андрюха пришёл?

– Нет ещё. Марина, разрешите представиться, – парень вошёл в кубрик, встал перед девушкой и лихо щёлкнул каблуками. – Дмитрий. Сосед того оболтуса, который где-то за-

⁵ Кубрик – комната в общежитии для курсантов морских училищ.

⁶ Дисциплинарное наказание у военных

терялся по дороге.

Марина весело рассмеялась. Ей определённо нравилось всё: и ребята, и их отношение к ней, и порядок в комнате.

– Пусть у нас посидит. А Андрюхе без штрафа её не выдавать.

– Нет, Славка, тебе учиться надо. Марина, прошу.

Девушка встала, виновато пожала плечами, посмотрела на Славу.

– Я пойду? – то ли спросила, то ли поставила перед фактом. – Спасибо большое. А чай у тебя замечательный.

– Димон, скажи Андрюхе, что с него полторта, – крикнул им вдогонку Славка.

– Много сладкого есть вредно, – со смехом ему ответил Димон.

На улице стало смеркаться. Димка наготовил макарон по-флотски, поставил на стол сковороду, налил в большую железную кружку крепкого горячего чая.

Он рассказывал смешные истории, часть из которых Марина уже слышала от Андрея. Похоже, что это были байки училища.

– А откуда все про меня знают? Андрей всем растрепал? – спросила она и покраснела.

– Конечно, мы с января только и слышим, как он тебя на дискотеке нашёл, и что ты скоро приедешь. Ты именно такая, какой мы тебя и представляли. Фотку оставишь?

В те времена не было ни сотовых телефонов, ни пейдж-

ров. Где находится человек, когда он придёт, узнать невозможно. Оставалось только сидеть и ждать.

И Марина ждала. Но скучно ей не было. Вскоре весь этаж собрался в кубрике Андрея и Димы - посмотреть на гостью. Ребята несли свои дары: кто конфеты, кто печенье, кто мандарины. Было весело. Марина была на седьмом небе от счастья. Ещё никогда в жизни ей не уделяли столько внимания.

В очередной раз дверь распахнулась. Она услышала родной голос, но Димон прижал палец к губам, чтобы молчала.

– И где твоя гостья? – спросил кто-то. Ребята встали плотной стеной, загораживая девушку.

– А вы чего все здесь? – удивился Андрей.

– Посмотреть хотим. Где она? Не видим.

– Не знаю, – голос был какой-то растерянный. – Перепутал семь и семнадцать. В универе её тоже не было. Где теперь искать? Я расписание переписал её преподав. Она говорила, что сдавать будет. Завтра все пойдём её караулить.

Димка с Мариной переглянулись и как приснут. Андрей подозрительно посмотрел на ребят, потом вдруг увидел её сапоги.

– Марина? Здесь? Марина, я тебя нашёл, выходи. Ребята, пропустите, – он стал пробираться, но его не пустили, вытолкнули из кубрика и отправили за штрафным тортом.

Глава 9. Сомнения

Пусть впереди
И радость, и отчаянье,
Но хорошо,
Когда чего-то ждёшь,
И чувствуешь,
И видишь
(пусть случайно)
С горы идущий
Торопливый дождь,
И мечешься,
Когда пылают раны,
И опьяненно дышишь
После гроз...

Тамара Шульга

«Вдохновение». 1979

Марина. Наши дни. Коттедж Коровкина.

Я до сих задаю себе вопрос: «Почему?». Был ли тот вечер началом конца? Или другое обстоятельство повлияло? Могло ли быть продолжение нашей истории? Мне кажется, что это было вчера. И мне до сих пор стыдно за себя, мне до сих пор стыдно перед собой. Хотя, в общем-то, что такого я сделала?

Было уже поздно идти куда-то. Кто-то из ребят притащил в кубрик к Андрею раскладушку. Постелили простынь. Дали подушку и одеяло. Сам Андрей и Димон спали на двухъярусной кровати. А мою раскладушку поставили рядом.

Я хорошо помню тот вечер, словно это было вчера, а не больше тридцати лет назад: на мне был модный японский пуловер белого и чёрного цветов.

В наш город японские вещи поступали в обмен на лес. Нельзя сказать, что они свободно лежали в магазине, но на работе была специальная очередь на дефицитный товар. Подошла твоя очередь - берёшь или передаёшь очередь другому, ожидая нужной тебе вещи. Я уже не помню, одна была такая очередь или несколько. Потому что у нас дома была вся зарубежная бытовая техника, даже фритюрница и видеодвойка.

На самом деле, моя очередь была далеко позади. Но моя коллега, Галина, уступила мне свитер. Она знала, что я к жёниху еду. Сколько раз она выходила из кабинета, когда он звонил.

Надела я его днём, когда сходила с поезда. Мне же хотелось красивой предстать перед молодым человеком. Остатки дня я ходила в дублёнке, потом сидела у ребят в кубрике. В общем, пропотела.

В то время я была пышечкой и быстро потела.

Я чувствовала свой запах. Но, увы, в мужском общежитии, где душ один на этаже, мыться не пойдёшь.

Это я сейчас пошла бы. Поставила бы парней перед дверью, чтобы никого не пускали, и привела бы себя в порядок. А тогда я даже подумать об этом не могла. Я чувствовала себя робкой бедной родственницей.

Не могла я и подумать, чтобы попросить у Андрея его одежду. Знали мы друг друга всего ничего. Отношения наши развивались через письма и звонки. А он сам не догадался. Постеснялась ли я попросить, чтобы сходить на вокзал за своим чемоданом, или поздно было идти, сейчас не помню. В приморском городе в те времена не совсем безопасно было передвигаться в тёмное время суток. Так или иначе, но я осталась в тот вечер без вещей.

Сейчас я думаю, что было мне уже двадцать один, а в отношениях я была какой-то слишком инфантильной. Нет, в бытовом плане, в профессиональном – всё в порядке. А в отношениях с мужчинами – натуральное дитё.

Помню, как лежала на раскладушке на спине. Одеяло было натянуто до подмышек. Андрей присел ко мне, наклонился, чтобы поцеловать. Но резко встал, принёс мужской дезодорант и обрызгал меня и вокруг меня.

– Чтобы всякие насекомые к тебе не лезли.

Конечно, я понимала, в чём дело, но глупо улыбалась соглашаясь. Андрей чмокнул меня в щёку и ушёл спать на своё место.

Каждый раз, когда я вспоминаю этот эпизод, пытаюсь его

пережить по-другому. Был ли он решающим в моей судьбе - кто может сейчас дать ответ? Как жаль, что нельзя повернуть время вспять и изменить некоторые эпизоды нашей жизни. Пусть даже не вернуть, а спросить у него: «Что было не так?» И не жить с этой болью столько лет.

Любил ли он меня тогда? Не знаю. Почему-то мне иногда кажется, что не любил. Но, с другой стороны, все и каждый в общезнании знали о моём существовании. Ни косоо взгляда, ни усмешки я не виела и не слышала от ребят. Мне казалось, что они искренне радовались моему приезду.

На следующий день с утра мы поели и поехали за моими вещами на вокзал, а оттуда в какую-то небольшую ведомственную гостиницу.

В те времена устроиться просто так в гостиницу было невозможно. Администраторы ждали взятки. Я это испытала на себе за все годы учёбы, даже когда мне бронировали места через предприятие в ведомственной гостинице. И то регулярно слышала: «Вашей брони нет», – и требовательный взор: «Плати». Я не платила, делала вид, что не понимаю, а из кабинета директора звонила на работу.

В общем, Андрей привёз меня в ведомственную гостиницу. Народу было немного. Не сезон. Занято номера два на этаже. Меня поселили в двухместный номер.

– Ладно, я побежал. Мне ещё к регистрации надо успеть. Я подумал, что ты будешь стесняться на свадьбе. Не знаешь же никого. Давай, я тебя завтра заберу? Ладно?

От его слов мне стало очень и очень горько.

– А я платье взяла с собой, – пробормотала я. – И потом, нас же вдвоём пригласили.

– Ладно, ты обустраивайся, а я потом приеду.

Мы простились с ним на улице. Я поднялась к себе в номер. Сняла с себя пропотевшую одежду, приняла душ. Кстати, душ тоже был на этаже. Гостиница больше напоминала общежитие: удобства общие на этаже, была кухня, комнаты оборудованы по минимуму – две кровати стояли вдоль стен параллельно друг другу. Они были заправлены стандартными в те времена одеялами в клетку синего и зелёного цвета. Около стены стоял простой стол и два стула. На столе – графин для воды и два гранёных стакана. Я уже не помню, был ли телевизор в номере или на этаже общий.

Я верила, что он обязательно придёт. Еды с собой у меня почти не было. Может, была пачка лапши. Я никуда не уходила. Стояла около окна и ждала его. Ведь он обещал забрать меня.

Моя душа ликовала, хотя живот подвывал от голода. Я представляла, как он знакомит меня с другими гостями. Мне хотелось попасть на эту свадьбу, как Золушке на бал. Но, увы, на небе зажглись золотые звёзды, а он так и не появился. Когда моя надежда погасла, я сняла с себя платье, надела халат, который был взят с собой, и легла на кровать с конспектом. Но в голову никакие мысли не лезли. Так прошёл мой второй вечер.

Почему он не взял меня на свадьбу? Тогда я сама себе сказала: «Ты вонючая. Ты некрасивая. Ты глупая. Он стыдился бы тебя».

Да, тогда я очень сильно комплексовала по поводу своей внешности. Мне хотелось блистать остроумием и умом, чтобы скрыть свой внешний недостаток.

Я вспоминаю ту себя и думаю, почему не нашлось в моём окружении мудрого взрослого, который бы сказал, что у меня всё было в порядке. Просто... Просто я была другой.

Спустя годы однажды во время встречи со старыми знакомыми (мы уже все были семейные), я вдруг сказала: «Я вас стеснялась. Мне казалось, что вы смеётесь надо мной, потому что я некрасивая». Ответ меня обескуражил: «Да мы боялись к тебе подойти. Ты же была заумная».

– Мариша, о чём задумалась? – звучит голос мужа. – В последнее время ты часто думаешь. Надеюсь, что обо мне, – этот старый пошляк подсаживается ко мне, обнимает и шепчет на ухо: – Знаешь, я столько лет мечтал вот так вот сидеть с тобой рядом, вдыхать твой запах, слушать твой голос.

Я улыбаюсь. Наверно, это действительно подарок с небес – после пятидесяти встретить человека, который любит тебя, не стесняется и не прячет от других, а гордится тобой. И даже мои осевшие в животе пятнадцать килограммов после наступления менопаузы его не смущают. Он словно не замечает их.

Я кладу голову ему на плечо, я растворяюсь в его нежности.

За окном сердится ветер. Он стучит и просит, чтобы его выпустили. В камине потрескивает огонь.

– Расскажешь, что в последнее время тревожит тебя? – задаёт вопрос Коровкин. – Ты из-за Рафика? Хочешь, я сделаю так, чтобы он больше не работал на этом месте?

– Колчак, вот надо же суметь испортить такой момент. Сдался тебе этот Рафик, – выдыхаю я, высвобождаюсь из рук мужа и тащусь на кухню за очередной порцией вечернего кофе.

Глава 10. Горечь разочарования

Мне не спится, и всё –

Не бессонницей маюсь.

Ничего не жалею.

Ни о чём не скорблю...

Растворяюсь в тумане,

До конца растворяюсь,

Превращаясь

в короткое слово – люблю.

Тамара Шульга

Амурская правда, 16.12.1978

Сон никак не шёл в ту ночь. Даже не помогали извечные бараны: Марина пыталась их считать по порядку, парами, тройками, перемножала и делила, давала имена. Но стадо упорно разбрелось, оставив счетовода терзаться в одиночестве.

Тогда она пыталась успокоить себя, убеждая, что всё это не важно. Мало ли что могло случиться. Подумаешь, свадьба. Чужая свадьба. Она даже там никого не знает. Никого, кроме Андрея. Димона, и того там не будет. И Славки не будет. Что ей делать среди чужих?

Он придёт утром и обязательно объяснит ей. У него, должно быть, уважительная причина. А ей надо использовать это время с пользой. Завтра будет некогда. Они встре-

тятся и пойдут гулять. А в понедельник и во вторник надо сдать все хвосты. Она отпросилась с работы всего на неделю. И будет стыдно приехать с хвостами. Что она, тупее всех, что ли?

Она так и не переоделась в ночнушку, и не расправила постель. Лишь натянув на ноги толстые джурабы,⁷ Марина открыла конспекты, зависла над страницами, потом пролистала не глядя, пыталась сфокусировать взгляд на знакомом слове, но глаза упорно скользили между строк, а мысли бродили далеко. Тогда, не выпуская из рук тетрадь, она взяла толстый учебник и с ним подошла к окну, словно там было лучше видно. «Так, надо запомнить», – произнесла вслух, прочитала первую попавшуюся на глаза фразу. Но смысл не доходил до сознания.

Она вглядывалась в редких запоздавших прохожих, пытаясь отыскать в них знакомые черты.

Но какие бы усилия не прилагала, как бы не уговаривала себя, снова и снова задавала себе вопрос: что произошло? Когда он решил не брать её с собой на свадьбу? Что повлияло на его решение - ее пропотевший пуловер, её внешность, её чужеродность их кругу? Она не принадлежала к блатным. У неё не было модельной внешности. Она не умела глупо хихикать.

У Марины были, разумеется, и золото, и бриллианты. Они лежали дома, потому что в то время она не была любитель-

⁷ Азербайджанские носки жаккардовой вязки

ницей побрякушек. Там, где она жила, икру на завтрак ели ложками, машин не имели только младенцы, а ковры лежали свёрнутыми и ждали своего часа. Зарплата девушки по тем временам была целым состоянием - двести пятьдесят рублей. Хотя для Крайнего Севера это было не так уж и много. Но Андрей всего этого не знал. Для Марины это было настолько естественным, что она не считала нужным об этом говорить, как и не говорила, что стояла в очереди на машину и откладывала деньги.

И снова на ум приходила мысль, что во всём виноват пропотевший пуловер.

Этот несчастный пуловер будет стоять перед Мариной всю её жизнь. Это был урок, который она чётко усвоила. С того момента она не просто меняла блузки и свитера каждый день и сразу бросала их в стирку. У неё с собой всегда был запасной комплект. Даже на службе после ночной смены она переодевалась в чистое и шла домой спать.

Но в тот злополучный вечер у неё не было другого выхода, ведь ей просто не во что было переодеться.

Сон сморил её под утро. Он был коротким и чутким. Она открыла глаза, когда потолок уже бледнел, а размытые пятна от фар постепенно исчезали. Проснулась, но не встала. Непонятная апатия навалилась на девушку. Ей было даже лень посмотреть, который час.

За дверью прогремели мужские шаги. Вернее, они были тихие, но ей показалось, что кто-то громко топал. Сердце

стукнуло раз и затаилось. Она задержала дыхание.

«Вот дурында. Он придёт, а я всё в постели. Что он обо мне подумает?» – девушка соскочила с кровати, схватила халат, натянула прямо на ночную рубашку и села как примерная ученица, положив руки на колени.

Шаги затихли. Раздались мужские голоса. Марина на цыпочках подошла к двери, приложила ухо к замочной скважине. На какой-то момент ей даже показалось, что это он. Но нет, ему не с кем разговаривать в коридоре. Не с Димой же он придёт к ней. Говорившие за дверью прошли мимо. Снова воцарилась тишина.

Девушка взяла полотенце, зубную щётку, мыло и пошла умываться. Прошла мимо общей кухни. Там сидели двое мужчин и пили чай. Поздоровались.

Часы показывали только девять утра. Живот начинал подвывать. Вечер без ужина, утро без завтрака.

– Нет, так дело не пойдёт, – решила девушка. Собралась и вышла на улицу. Она постоянно оборачивалась и даже несколько раз возвращалась, чтобы убедиться, а не он ли прошёл.

Промозглый февраль залакировал всё: идти было скользко, держаться сложно, ещё ветер подталкивал в спину. Добравшись до ближайшей столовой, девушка взяла запеканку и булочку с творогом. Села за стол около окна.

В помещении воняло хлоркой и кислой капустой. Несколько столиков было занято. Уборщица в свежем ещё

халате серой заюзаной тряпкой вытирала соседний стол. Каждого нового посетителя она встречала громким окриком: «Ноги вытерли! Ходят тут, грязь носят, а я мой за ними».

Марина повернула голову к окну. Там, за мутным стеклом, ветер гонял какую-то бумажку по кругу.

Серый асфальт, серое небо, серое настроение. Девушка убрала за собой посуду, ещё ватрушку и пиццу из папоротника и, сложив еду в сумку, пошла обратно в гостиницу. Спросила у администратора, приходил ли кто к ней.

– Нет, не приходил.

Тогда она занесла еду в номер. Посмотрела на часы. Одиннадцать. Сидеть в номере не хотелось. На улице было неуютно. О том, чтобы поехать в общагу к Андрею, даже мысли не возникло.

Она прошла до остановки, доехала до кинотеатра, купила билет. Потолкалась по фойе в ожидании сеанса. Залюбовалась огромными растениями в кадках. Наконец, пригласили к просмотру.

Это была комедия. Девушка хохотала как безумная. Наверно, так выходил стресс. После кино она зашла в гастронорм, где продавались кофе и её любимые трубочки с белковым кремом. Она сознательно оттягивала своё возвращение в гостиницу. Но время тянулось медленно. Да и пойти особо в воскресенье было некуда. А гулять в такую погоду... Попытка пройтись по набережной с треском провалилась.

Промозглый сырой ветер пробрался под дублёрку и выстуживал изнутри. Она дрожала, тело напрягалось и ей казалось, что она покрывается холодным вонючим потом. Надо было срочно вернуться и переодеться, пока не провоняла дублёрка.

Февральский город ей не нравился. Он был холодным, мрачным и колючим. Транспорт ходил неважно. Дорога в гостиницу заняла слишком много времени. Теперь у Марины была одна мечта: попасть в тепло. «Позовёт гулять, не пойду. Нагулялась!», – она с трепетом в душе подходила к гостинице.

Администратора на этот раз на месте не было. Девушка убежала на свой этаж. Но в коридоре её никто не ждал. Не было воткнуто и записки в дверь. На какой-то миг закралась мысль, что он уже внутри. Номер был снят на его имя. Он заплатил до конца её проживания. Но нет, и внутри его не было. Так прошёл ещё один день.

Она уже не ждала его. Ночь провела спокойнее, а утром про Андрея и не вспоминала, не до него было. Надо было ехать в университет, хвосты сдавать.

Но ей повезло, преподаватели не болели, все оказались на месте. В коридоре она встретилась с другими «двоечниками». Сдавать вместе оказалось веселее. И Марина немного забылась. Кто-то предложил отметить сдачу, все дружно согласились. Они собрались в гардеробе и ждали, пока все оденутся. Открылась входная дверь. Холодный ветер обнял её

за спину. Она вздрогнула, развернулась лицом к выходу.

– Успел, – Андрей стоял прямо перед ней. Он улыбался и вытаскивал из-за пазухи три красные гвоздики.

Глава 11. Десятое ноября.

Наши дни. Коттедж Коровкина

*За то, что золотистость кожи
Была причиной немоты,
Когда пугая и тревожа,
Смысл жизни назывался – ты.
Тамара Шульга
«Дальний Восток». 1985 г. № 3*

Василий с тревогой посмотрел на свою супругу. Вот уже несколько дней она сама не своя. Ходит какая-то потерянная. Молчаливая. И даже на его подколы не обращает внимания.

Она стояла около окна и смотрела на падающий снег. В этом году ноябрь был богат на снегопады. Морозы ещё не ударили в полную мощь. Вот когда ударят, тогда снегопады и прекратятся.

Двор перед коттеджем освещался уличным фонарём. Танцующий снег создавал иллюзию новогодней сказки. Зазвонят бубенцы, и появится тройка. Пойдут песни, пляски и раздача подарков.

Сегодня праздник. Её праздник. Но она молчит. Никуда не собирается. Неужели отмечать не будет?

– Мариша, что случилось? Ты не заболела? – он подошёл к ней, обнял за талию, поцеловал в шею. – Ты ещё не одета.

– По-моему, тебе надо к окулисту. Или это не кофточка? – и она потянула низ футболки.

– Это не кофточка, это футболка, – он нырнул рукой под ткань и положил горячую ладонь на живот. – Дома останемся или всё-таки пойдём?

– Куда пойдём-то? – она повернулась к нему лицом. Оно так близко, что видны все морщинки. От прищуренных глаз разбегаются лучики.

– Как куда, – губы красные, налиты кровью. С каждым звуком всё ближе и ближе. – День милиции отмечать. Или забыла, что сегодня твой праздник? Десятое ноября. Я тебе подарок приготовил. В спальне лежит, – улыбнулся мужчина и поцеловал. Целовал он, как обычно, долго, словно питался нектаром её губ.

Марина обняла его за шею, запустила пальцы в волосы на затылке. Пора бы привыкнуть уже, да никак не может. Всё так же замирает сердце, всё так же пульсирует лоно, всё так же ликует душа.

– Всё, Коровкин, хватит, а то мы праздник здесь отметим, – отстранилась от него. Ещё немного, и они займутся явно не подготовкой к празднику. – Куда идём?

– Ваши гуляют в «Северной избе». Туда и пойдём. Хотя лично я совсем не против здесь отметить.

Марина отошла. Приложила руки к пылающим щекам:

«Слушай, а ты каким боком к нашему празднику приложил-ся? И откуда знаешь, где гуляем? Почему я не знаю? Спонсором, что ли, выступаешь?»

Он по своей привычке запустил руки в волосы, приподнимая их: «Угадала. Не спонсор, организатор. Тебе не говорили, я просил. Хотелось сюрприза. Я жду здесь».

– М-да, шикарная у нас пара – важнячка и авторитет. Следственный отдел гуляет на деньги криминала. Лучше сюжета не придумаешь, – хмыкнула она.

– Что поделаешь, любовь – она такая, глупая и слепая. Между прочим, вы все бывшие. Не считая судьи с прокурором. Да и у меня всё в прошлом. Я теперь законопослушный гражданин, хочу тебе напомнить. Вот, даже детективное бюро своей супруге подарил, чтобы с криминалом бороться. Так ты идёшь?

Марина деланно вздохнула. Но счастливая улыбка озарила лицо. Действительно, какая разница, кем они были в прошлом? Он отсидел своё, она давно уже не ездит по служебному удостоверению. Хотя... Следователь – это не профессия, следователь – это стиль жизни. А криминальный авторитет? Это что? Состояние души?

– Вась, кис-кис, – окликнула Марина Коровкина с лестницы, – у тебя было такое, что пообещал прийти на свидание, а не пришёл?

– Я думаю, что такое было у всех, – он стоял в центре зала. Руки были засунуты в карманы. Голову задрал и смотрел

на Марину снизу вверх. Его белый свитер толстой вязки сливался с ворсом ковра, на котором он стоял. Многострадального ковра, омытого красным вином, обсыпанного чипсами.

– Почему?

– Что почему? Почему не пришёл? Потому что перебрал и не мог дойти. Я не всегда норму выпивки соблюдал.

При этих словах Марина засмеялась: «Ты неверно выразился. Ты иногда рассчитывал норму, чтобы не перебрать, и то с ошибками. Тебе напомнить, каким я тебя впервые увидела?»

– А тебе напомнить, как я тебя спас от изнасилования? Между прочим, упитый в доску.

– Ага, сам же чуть и не изнасиловал.

– Нечего было по общагам шляться, – не остался в долгу Коровкин. – Если ты сейчас не соберёшься, я, пожалуй, завершу тогда начатое, – он сделал шаг по направлению к лестнице.

– Не получится.

– Это почему ещё? Думаешь, что жалко тебя станет? – Коровкин ступил на первую ступень.

– Тебе да жалко? – она усмехнулась. – Сопротивляться не буду. Вась, а Вась, ты лучше ответь, – она, словно девочка, взвизгнула и побежала по коридору в направлении своей спальни, где, со слов мужа, должен ждать подарок. – Надеюсь, что ты не чулки с подтяжками подарил.

– Нет, наручники с плёткой, – услышала вдогонку.

Женщина заскочила в комнату, закрыла дверь на замок.

После заключения брака Василий не стал настаивать, чтобы Марина переехала в его спальню. Каждый из супругов сохранил за собой свою комнату. Им так было удобнее: чтобы не мешать друг другу спать храпом, или если одному хочется почитать, а другому мешает свет. Или Василию надо было уехать по делам рано утром, а Марине в такое время не надо было вставать. Марина по ночам часто просыпалась: мучили приливы. Она ворочалась. Потом садилась, включала свет, пила, открывала окно.

Марина повернулась к кровати и увидела новое платье. Оно было как раз в её вкусе: длинное, почти в пол, жемчужного цвета, классического покроя. Ткань была приятной на ощупь. Женщина тут же примерила его и покрутилась перед зеркалом. Ей понравилось своё отражение. Но платье требовало туфель, желательно на каблуке. Хотя в наше время к такому платью можно надеть и кроссовки. Вполне подошли бы те, что есть у неё: на высокой платформе, светлые с розовыми вставками. Но ей непременно хотелось туфель.

Когда она спустилась в зал, Василий был не один. Рядом с ним находился его верный Сальник.

– О, а ты чего потерял у нас?

– Марина Вячеславовна, вообще-то нехорошо забывать, что мы с вами из одних органов вышли.

– Ещё один пошляк, – хихикнула Марина. – Между прочим, мы – следствие, элита.

– Ой, а ничего, что я рядом с вами постою, – не отставал от неё Сальник. Сегодня он очень надеялся, что Марина не поругается в очередной раз с Коровкиным и его праздник не омрачится поисками благоверной шефа.

– Расслабься, – она словно прочитала его мысли. – Десятого ноября всегда был днём перемирия. Буду вести себя сообразно обстановке. Кстати, а ты чего без второй половины? Я её даже на свадьбе не видела.

– Потому что на вашей свадьбе я работал, а не отдыхал, – ответил мужчина. – Ну что, Коровкины, идём? Машины ждут.

– Кто идём? – Марина подбоченилась. – Коровкины? Тебе напомнить, что я как была Ветрова, так и осталась. Ты мои графские крови к их плебейским не приравнивай.

– Ох, Марина, Марина, – вздохнул Василий, – вот тебе пятьдесят лет, а всё в сказки веришь. Чтобы я да при своих связях не поменял фамилию супруги... Марина, стой, дай договорить, – Коровкин сделал вид, что убегает от супруги, которая упёрлась руками в бока, сощурила глаза и теперь смотрела на него исподлобья, – ты у нас теперь Ветрова-Коровкина. Я тебе двойную сделал. Чтобы все знали, что ты теперь не бесхозная.

Теперь пришла очередь усмехаться Марине: «Ах, ты про это. Только, драгоценный ты мой, ты забыл, кто есть я. Ветрова я, Ветрова. Сальник, скажи, а было, что ты на свидание обещал придти, но не пришёл?»

– Конечно, и не раз, и не без помощи уважаемого Василия Петровича. А вообще, когда в ментовке работал, так там не только про свидания, про обеды забывал, – усмехнулся он. – Не мне вам рассказывать.

– Нет, вот скажите мне на милость, а как вы потом перед девушками оправдывались? Как прощение просили? И получали ли его, или вас лесом посылали?

Глава 12. Примирение

Сколько городов больших и малых

До него и после я видала,

И они красоты открывали,

Но не мучали, не колдовали,

Ни один тоской не ранил душу,

Ни один покоя не нарушил.

Тамара Шульга

«БАМ» 06.11.1974

Марина смотрела на улыбающегося Андрея и понимала, что вся её злость и желание настучать по макушке куда-то испарились. Тем более что сегодня преподаватели оказались просто душками, сильно не гоняли, за рамки билетов не выходили. Сдача прошла на «ура». Девушка даже не задумывалась, что на самом деле это она была подготовлена к экзаменам, и любой вопрос особых трудностей у неё не вызывал.

– Извините, но я вас кидаю, – сказала девушка сокурсникам и, взяв молодого человека под локоть, вышла из здания.

– Что, даже объяснять не надо? – спросил он, по-прежнему держа цветы в руках.

– Почему же не надо? – ответила она, – сейчас присядем в какой-нибудь столовой и ты мне расскажешь, как помогал старушке переходить дорогу, а потом был вынужден прово-

дить её до дому и прослушать историю жизни её детей и внуков, а также любимых котов.

Андрей облегчённо рассмеялся.

По дороге Марина весело болтала. Она рассказывала, как прошла пересдача. Причём её рассказ был живым и интересным. Молодой человек подключился, и теперь он вспоминал смешные случаи из своей жизни.

Он привёл девушку в бистро, которое располагалось не так далеко от университета, но про которое она не знала.

Это было одним из первых кафе, которые открывались в то время. Частный бизнес только-только выходил из подполья. Качество и цены были соразмерные. На улице стояла очередь: желающих было больше, чем мог вместить в себя небольшой зал.

– Боюсь, что нам здесь не поговорить, – вздохнула Марина. – Признайся, что ты меня специально привёл в это кафе.

– Это не кафе. Это бистро. Знаешь, почему оно так называется? – он протянул руку и убрал волосинки с её лица. Столько нежности было в этом простом жесте.

– Не знаю, – она зачарованно смотрела ему в глаза. В сердце жила весна.

В этот февральский день воробьи расчирикались, словно уже наступил март. От вчерашней непогоды не осталось и следа. Голубое-преголубое небо раскинулось над городом. Яркое солнечное пятно ослепляло. И даже убогая серость пейзажа – снега так и не было, трава ещё не появилась, на

земле безобразными ломаными фигурами валялся мусор – не могла испортить настроение.

– Когда французские солдаты драпали из Москвы по ними же разорённой дороге, они заходили в дома крестьян и требовали еду: «Бистро, бистро». Отсюда и пошло слово «бистро». А знаешь, откуда пошло слово «шаромыга»?

– Нет, – опять улыбнулась Марина. – Всё те же французские солдаты шмыгали носами?

– Почти угадала. Они стучались к крестьянам и говорили: «Шер ами, дон муа ле ран». В переводе значит: «Дорогой друг, дай мне хлеба». Вот отсюда и пошло название «шаромыга».

– Расскажи ещё что-нибудь, – попросила девушка.

В этот момент из бистро вышла группа, и Марина с Андреем попали внутрь.

Помещение действительно было небольшим, но аккуратным и чистым. В отличие от столовой здесь стоял аромат каких-то трав. Молодые люди подошли к окошку, через которое выдавались блюда. Взяли по супу с фрикадельками в горшочке и по куриной ножке. Пристроились в углу. Там как раз был свободный стол.

В бистро не было сидячих мест. Все ели стоя. Экономия места.

– Слушаю твоё последнее слово перед вынесением приговора, – произнесла Марина, языком собирая куриный сок, который стекал по пальцу. Стереть такую вкуснятину сал-

феткой не позволяла совесть.

– Всё очень просто. В субботу я напился так, что ехать к тебе было стыдно. Да и в таком состоянии меня не пустили бы в гостиницу.

– Так. А в воскресенье? – девушка не знала, какой ответ её не обидел бы, тем не менее, в душе она была разочарована, но попыталась это скрыть.

– Ну как ты думаешь, если пьяный в зюзю курсант явится в общагу, что его может ожидать?

– Что? – Марина была далека от этих всех курсантских штук.

– Его ожидает наряд вне очереди и запрет на увольнительную. Вот, я это и получил. Пожалей меня, несчастного, – он деланно вздохнул и склонил голову, как кот, который просит почесать ему за ушком. – Хочешь, я встану на колени и буду просить у тебя прощения?

– Не хочу. Пол грязный, ты испачкаешь свои брюки и получишь ещё один наряд.

Остатки дня они не вспоминали выходные. Как бы то ни было, для Марины было сложно его простить, что он не взял её с собой с самого начала. Хотя она и тогда, и потом убеждала себя, что это к лучшему, что она не видела его пьяным, как он сказал, в зюзю.

Они гуляли по улицам, взявшись за руки. Февральская погода была обманчива. Солнце светит, но не греет, ветра нет, но морозец пощипывает. Греться зашли в ближайший

магазин. Марина никогда не интересовалась косметикой и не умела ею пользоваться. Но в этом небольшом магазинчике стоял незнакомый чарующий запах, а на прилавке под стеклом поблёскивали чёрные футляры теней и помад. А в соседней витрине лежали лаки разных цветов. Впервые в жизни Марина увидела корейскую декоративную косметику. Она зачарованно смотрела на всё это.

В магазине кроме них никого не было. Стойки были украшены искусственными ветками сакуры. На подоконниках цвели азалии. Она купит на следующий день маленький кустики азалии. И он проживёт у Марины на окне больше тридцати лет. И вот сейчас, стоя в коттедже Коровкина около окна, она подумает, что азалия погибла этим летом, перед её поездкой сюда, словно разделяя её жизнь на «до» и «после».

А тогда юная Марина вдруг до кончиков волос захотела купить себе эту косметику - помаду, лак, тени. Но не рискнула при Андрее этого сделать.

– Согрелась? – спросил он, взял её руки в свои и поднёс к губам.

– Согрелась. Куда пойдём?

Они вышли на улицу. Прошлись вдоль набережной, но вечерело, а с ним и холодало. Молодые люди зашли в чайную. Взяли по стакану чая. Марина попросила свои любимые трубочки с белковым кремом. Андрей взял оладьи с мёдом. Разговор разладился. Тепло разморило. Двигаться не хотелось. Девушка смотрела на молодого человека и улыбалась своим

мыслям. Ей было хорошо с ним. Хорошо и спокойно. Вот так бы и сидела, и смотрела.

– Ты чего? – он задел её руку. И от этого невинного прикосновения порозовели её щёки. Сердце застучало в висках. Она опустила глаза, ничего не отвечая.

– Нам пора. Поехали в твою гостиницу.

– Ага.

На улице смущение развеялось. Когда добрались до гостиницы, совсем стемнело. На вахте никого не было. Видимо, не ожидался ни заезд, ни выезд.

В коридоре стояла тишина. Они зашли в её комнату. Свет фонарей проникал сквозь окна. Этого было достаточно, чтобы найти губы. Вот так, не раздеваясь, они стояли около дверей и целовались. Она не понимала, что с ней происходило. Стало влажно между ног, и от этого ей стало стыдно. Потянуло поясницу до сладкой боли. Напряглась грудь.

Она, которая знала про любовь чисто теоретически, черпая знания больше из романтических книг, чем из разговоров со сверстниками, воспитанная, с мыслью, что муж должен быть первым и единственным.

«Месячные как некстати», – с досадой подумала Марина.

– Мариша, я хочу тебя, – прошептал Андрей.

Но она не поняла значения его фразы. Что значит «хочу»?

– Как?

В её вопросе прозвучало столько простодушия, что следующее, что спросил молодой человек: «У тебя уже было что-

то с мужчиной? Ты ещё девочка? – она кивнула. – Вот, блин! Правда?!»

Он прошёл, сел на кровать, обхватив руками голову. Марина стояла около двери, ни жива ни мертва. Неужели это правда, что она слышала от девчонок: «Если ты не нужна до меня была никому, то и мне не нужна». Она растерялась. А в голове хаотично мелькали мысли, что она потеряла его навсегда.

Неожиданно Андрей встал, подошёл к ней, поднял на руки и закружил: «Счастье ты моё. Ты не представляешь, как я тебя люблю!»

Губы девушки растянулись в улыбке. Приедет и скажет девчонкам, что неправда всё это, что и нетронутых любят. Она внутренне ликовала: вот оно, её счастье!

Время шло. Девушка тушевалась. Она стеснялась при нём сходить в туалет. А влага в плавках доставляла неудобство. Марина стояла, боялась присесть: вдруг кровь просочится. Поэтому, когда молодой человек сказал, что ему пора, она вздохнула с облегчением.

Глава 13. Подарок

*По запутанным дорожкам
Я брожу всё чаще, чаще
И грущу о невозможном,
Неземном каком-то счастье.
Тамара Шульга
«БАМ» 06.11.1974*

И полетели опять письма, по два в неделю. Письма, полные нежности и любви. Они рассказывали друг другу обо всём. Конверты с нарисованными красными чернилами сердечками и неизменной надписью «Лети с приветом, вернись с ответом».

Два города соединяли провода, по которым бежали их голоса. Они говорили, говорили, говорили и не могли наговориться. Они считали дни до встречи, придумывали, как проведут их вместе.

Девушка купалась в чувствах. Она не строила планы и не мечтала ни о чём. Она жила здесь и сейчас. Был ли он с ней искренен, она не задумывалась, ибо верила и доверяла. Подружки звали на дискотеки, но она отказывалась. Что ей там делать, если рядом нет ЕГО! «Ты думаешь, он скучает в одиночестве?» - спрашивали они. - «Не знаю. Скажите, а разве можно изменять любимым? Если любишь, разве нужен кто-

то ещё? Вот и мне никто не нужен!»

Ожидание превратилось в сладостную пытку. Без него ей было сложно, но она точно знала, что скоро они увидятся. А пока, чтобы потом не тратить время на «последний вздох» перед экзаменом, она училась. Чем быстрее сдаст все экзамены, тем больше времени будет у них.

Наступил день рождения Марины. Она уже с утра приплясывала около телефона от нетерпения. И вот желанный звонок! Болтали, наверно, полчаса. Андрей говорил много, а она всё слушала и слушала.

– Милая моя, родная, я не могу без тебя. Мне не хватает воздуха.словно из меня выкачали весь кислород. Дорогая моя, любимая...

– Я тоже тебя люблю, – шептала она в ответ.

– Выходи за меня замуж...

Тишина. Ей показалось, что она ослышалась, но не осмеливалась переспросить.

– Мариша, ты здесь? – в голосе Андрея послышались тревожные нотки.

– Здесь, – она прикрыла трубку рукой, хоть рядом не было никого.

– Ты согласна?

– Что? – её губы невольно расплывались в улыбке, а сердце отбивало марш Мендельсона.

– Повторить?

– Повтори, – всё так же тихо проговорила она.

– Ты согласна стать моей женой?

– Да, – едва слышно прошептала она. Её бросило в жар, глаза стали слипаться. Она не могла поверить своему счастью. Слушала его и плакала. Что он там ещё говорил? Что не может больше без неё. Что ему плохо, что он как Робинзон Крузо, ставит зарубки на стене.

– Ты помнишь, что шестого июня у меня день рождения? Я жду тебя. Сможешь приехать на неделю раньше?

– Смогу, приеду. Что тебе подарить?

– Себя. Ты мой лучший подарок. Паспорт не забудь, – строго добавил он.

– Смешной, – сквозь счастливые слёзы хмыкнула Марина, – как же я без паспорта поеду? Кто меня поселит в гостиницу?

– Какую гостиницу? – деланно возмутился Андрей. – Я квартиру сниму.

Теперь её жизнь приобрела другой смысл - до и после. Девушка боялась делиться своим счастьем. Она не рассказала никому о предложении, но глаза блестели, а за спиной выросли два крыла.

Марина не загадывала далеко. Она была счастлива, как могут быть счастливы только влюблённые! Она не представляла себя в белом платье, не прикидывала, сколько гостей будет на свадьбе, даже о том, где будет эта самая свадьба, не думала. Главное, что он будет рядом с ней.

Через неделю после дня рождения она получила от него

подарок. Это был японский календарь с видами сакуры. Большой настенный календарь на глянцевой бумаге. Красота такая, что подружки вздыхали: «Вот бы увидеть это наяву». А ещё была вложена большая открытка, вся в принтах чаек и волн. На лицевой стороне была фотография белоснежного лайнера и приписка, сделанная рукой любимого, - «*Корабль нашей жизни*».

Девушка взяла открытку. На левой стороне поля были изрисованы сердечками. На правой – ровные строчки красивого каллиграфического почерка.

Дорогая моя Мариша!

Поздравляю тебя с самым лучшим днём в твоей жизни, с днём «ангела». Желаю тебе всего самого, самого, самого... А самое главное - будь всегда такой, какая ты есть. Спасибо тебе за то, что ты есть, за то, что я встретил тебя.

Я не стал отправлять открытку раньше, я её посылаю в день твоего рождения! Ты получишь позже, продлишь свой праздник. Пусть этот день будет наш - ты и я, и больше никого.

Ты знаешь, когда ты была здесь, я тебе рассказал четверостишие, которое принял как главный принцип и по которому стараюсь жить. Я хочу, чтобы ты выучила его и подумала над смыслом его.

Чтоб жизнь прожить, знать надобно немало.

Два важных правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,

И лучше будь один, чем рядом с кем попало...

Счастья тебе... много, много, пусть в этот день улыбка не сходит с твоего лица. Желаю тебе всего того, что ты сама хочешь.

Марина вглядывалась в знакомый почерк, перечитала ещё раз пожелание. И опять тихая слеза скатилась с уголка глаза. Поднесла открытку к губам и поцеловала. Читать вторую сторону было почему-то боязно. Интуиция шептала: «Не тропись!»

Девушка подошла к окну, не выпуская открытку из рук. Решилась.

Мариша, на этой стороне я напишу тебе письмо, как и обещал. Второе письмо на этой неделе.

Тебя наверно удивило такое послание, но, Мариша, любимая моя, оно от чистого сердца. В твой день рождения я не мог его написать на простой бумаге, а бумаги с вензелями у меня нет.

Ты помнишь наш последний разговор? Мой вопрос и твой ответ? Я постоянно думаю над тем, что тебе сказал. Ты знаешь, сказал и даже сам сперва не поверил, что я решился. Ведь я очень давно об этом думал. Всё это время я искал слова, но не находил. Да, я сказал, что хотел, что желал, о чём просило моё сердце.

Не знаю, поверила ли ты мне, но это так. Что теперь поделаешь? Я люблю тебя! Приезжай скорей! Я жду тебя! Очень, очень!

Василий задерживался на работе. Сегодня Марина никуда не ходила. Она слегка подпростыла. Решили, что если кто придёт, ей сообщат - и она подъедет в офис. Если быть откровенным, то именно Коровкин настоял, чтобы супруга осталась дома.

– Сляжешь ещё со всякими коронами, потом лечи тебя. Ты мне здоровая нужна. Зачем мне больная жена?

– Если не нужна,пусти, – пожалала она плечами, но на работу не пошла. Какое-то странное чувство напало на неё. Захотелось хотя бы на миг очутиться в том прошлом, в том счастливом прошлом.

Марина позвонила своему бывшему и попросила сделать фото открытки, которая лежала в её школьном фотоальбоме. Степан поворчал, поворчал, но прислал.

– Ты мне никогда не рассказывала про него. Это кто, Андрей? Ты мне с ним изменяла? – в его голосе слышалась обида.

– Дурак ты, Степан. Слушай, а ты помнишь, как мне сделал предложение? – спросила Марина, а сама подумала, что совершенно не помнила этого момента. Ей казалось, что в прошлой жизни, пока не вмешался Коровкин и не развёл их, она всё время была замужем за Степаном. Нет, официально они развелись сами, да только жили рядом, спали иногда вместе. А появился Коровкин-Колчак, снёс своей шашкой её спокойный заплесневелый мирок и утащил в свой терем.

Теперь, как Кощей, чахнет над ней, словно она шестьдесят плюс килограммов золота, а не лишнего веса.

– Конечно, помню. Я в область приехал, тебя встретил, ну и предложил. Ты мне давно нравилась, но я не решался... А потом, когда ты вернулась, мы с тобой мимо ЗАГСа проходили, ну я напомнил. А ты неожиданно согласилась.

– А чего не сбежал? – хмыкнула она.

– А ты чего от своего уголовника не сбежала? Никогда вроде жадной не была.

Марина чуть в трубку не заржала. Вот повеселил так повеселил. Никогда не думала, что её могут в корысти заподозрить.

– Стёп, а может это любоф...

Глава 14. Кость

*Совсем ещё рано,
Минутку поспать бы,
Под щёку ладони сложив...
Все детские раны
До свадьбы, до свадьбы...
Тамара Шульга
«Авангард». 12.05.1979*

Для Марины началась совсем другая жизнь. Она не спешила делиться своей новостью. Ей всё ещё не верилось, что Андрей ей сделал предложение. Неужели она выйдет замуж за самого прекрасного человека на земле?!

Марина, которая всю жизнь считала себя некрасивой, которая комплексовала по поводу своей внешности, не могла поверить в своё счастье. Свой секрет она оберегала. Но глаза сияли, а улыбка не покидала её лицо.

Теперь она внимательно вслушивалась в разговоры коллег – женщин, которые были не прочь обсудить собственные вторые половины, будь то муж или любовник. Вот тогда и появились новые термины, непонятные для невинной девушки.

Её напарница по ночным сменам имела значимое имя - Надежда Константиновна. Понятно, что «подпольной» клич-

кой женщины было «Крупская». Это была высокая худая женщина с пропитым лицом, прокуренными зубами, низким грудным голосом, красной и грубой кожей. Её три волосины регулярно перекрашивались. Она поправляла свою причёску таким жестом, что можно было предположить, что укладку делал лучший мастер города, не иначе!

Но самое примечательное было в этой женщине – неповторимое чувство юмора и независимость, за словом в карман не лезла, перед начальством не лебезила. Неисправимая матерщинница обладала редким умом и была отличным специалистом, способным заменить даже инженера. За это её и держали и на многое закрывали глаза.

– Надежда Константиновна, вопрос можно? – в машинном зале монотонно гудели агрегаты. Сотрудники ушли по домам, осталась только ночная смена.

– Можно, – кивнула напарница, – только покурю, с половником. Маринка, я программу запустила. Как перфограммы запросит, позовёшь.

Половником Надежда Константиновна звала начальника отдела.

– Сама умею запускать, – ответила Марина и повернулась к экрану.

– Напомнить, в прошлую смену из-за кого ленту выбросили?

– Я же не виновата, что в лентопротяжку муха залетела. Я её не видела.

– Вот, а вдвоём бы увидели.

Марина трудилась в вычислительном центре, куда её пристроили родители. Компьютеры в то время были огромные – ЕС-1035, ЕС-1022. Диски весили от трёх до пяти килограммов. Информация в машину вводилась через перфограммы, перфоленты и магнитные ленты. Вот в такую магнитную ленту и попала муха. Бедняжку размазало в один атом толщиной. В результате ленту пришлось выбрасывать. Конечно, это не вина Марины, что в машзал попала муха.

– Галя, – Марина посмотрела на вторую напарницу, которая отправилась курить вместе с Надеждой Константиновной.

– Мы быстро. Ты пока список вопросов накидай.

Марина посмотрела на экран, где на тёмно-оливковом фоне печатались ярко-зелёные коды. Вдруг все надписи пропали, а вместо кодов появился чёртик. Это программисты развлекались. Значит, ещё не все ушли домой.

У них в центре работали фанатики своего дела. Марина любила их слушать и бывать в их компании. Молодёжь ещё не так давно участвовала в играх Весёлых и Находчивых и конкурсах Знатоков. С ними было интересно. Казалось, они знали всё. Особенно ей нравились обсуждения.

«Пожалуй, в наше время такого уже нет, – с грустью подумала женщина, – сейчас за любым ответом лезут в интернет».

Вернулись напарницы. Надежда Константиновна, как

обычно, в своей манере подтрунивала над начальником.

– Чего так быстро? Я даже соскучиться не успела, – де-вушка уже раздумала задавать волнующий её вопрос.

– Кастрюля прискакала. Ревнует ко мне своего половника. Ладно, давай, спрашивай, – напарница села рядом, глянула на экран.

– Что, Лёвчик опять развлекается?

– А почему ты всем прозвища придумала, а Льву Степановичу – нет? – спросила Марина.

– Не всем, вот твоему отцу тоже не дала. Потому что умные мужики. Умнее меня. Так какой у тебя вопрос, на который твой отец ответить не может?

Марина замялась, густо покраснела. Надежда Константиновна хмыкнула. Облизнула пухлые губы, засмеялась, прикрыв двумя пальцами рот. У неё были короткие ногти и желтоватая кожа на подушечках, отчего пальцы были похожи на обрубки. На Марину пахнул запах табака и вчерашнего перегара. На работе Надежда Константиновна не пила, но в выходные отрывалась по полной. При этом у неё, как у всех заумных, мозг работал как надо, даже в состоянии почти полной отключки.

Здесь, в информационном центре, мужеподобных женщин, работающих на компьютерах, было четверо. Их всех отличали низкий голос, мужские манеры и ум. Они были гении в своём роде, компьютерные гении. А вообще, информатики того времени были особой бесполой расой, говорившей

на своём языке, воспринимающие вселенную через призму цифр.

– Надежда Константиновна, – Марина снизила голос до полущёпота, – а про какую кость говорят женщины?

– Про кость? Где? В супе? – не поняла Крупская. – Так, ты у матери спроси. Я, знаешь ли, на кухне только поесть.

– Нет, не в супе. А ... у ... – Марина покраснела ещё сильнее, – у мужчин. Они говорят про какую-то кость.

Надежда Константиновна честно крепилась несколько секунд. Но надолго её не хватило. Она засмеялась, всё так же прикрывая рот двумя пальцами одной руки, а другой стирала слёзы.

– Ты серьёзно спрашиваешь? – Марина кивнула и отвернулась. – Не обижайся. Тебя где родители воспитывали? В монастыре? – она отрицательно качнула головой. – А подружки у тебя есть? Они что, не рассказывали?

– Не хочешь, не надо, – буркнула Марина.

– Я расскажу, а потом твой отец меня премии лишит.

– Не лишит, я ему не скажу, и ты не в его отделе.

– Ты чего, ещё девочка? – спросила недоверчиво Надежда Константиновна, – в двадцать один? Девочка? Нет, ты точно не от компьютера родилась? Это не кость. Это... – впервые матерщинница не знала, как назвать приличным словом то, что подразумевалось под костью. – В общем, у мужчины между ног знаешь что? – Марина кивнула. – Ну хоть это знаешь. Так вот, это, что между ног, когда хочет женщину, ста-

новится большим и твёрдым как дубина. Понятно?

Нет, Марине понятно это не было. Она не понимала, как ЭТО вдруг может стать твёрдым, как дубина или кость. Теперь девушка украдкой смотрела на ширинки у мужчин, пытаясь угадать, как там это может уместиться.

В следующую смену Надежда Константиновна заболела, и Марина дежурила с Галиной и стажёркой. Стажёрку прислали с курсов операторов. По всему было видно, эта девушка уже бывалая, но недалёкая. Как модно говорить теперь, «интеллектом не изуродована». Она сидела перед экраном, откровенно зевала и жаловалась, что сегодня на медосмотре гинеколог больно царапнул её зеркалом.

– Зеркалом? – машинально переспросила Марина, пытаюсь сообразить, зачем врачу зеркало во время осмотра, – в смысле, оно стояло на столе?

– Кто? Зеркало? Нет, лежало в кювете, – ответила стажёрка.

– А... а зачем зеркало в кювете?

– Как зачем? Когда на кресле лежишь...

Вот тут Марина совсем запуталась: лежишь в каком-то кресле, берут зеркало и царапают. Она недоверчиво посмотрела на стажёрку.

Галина сообразила быстро. Она отвела девушку в сторону и прямоком спросила: «Ты как у гинеколога осмотр проходишь?» Медицинские осмотры обязаны были проходить все сотрудники раз в год.

– Обычно, как у всех: жалобы есть? Нет. Печать. Свободна. Зачем зеркало?

– Понятно, – вздохнула Галина, – ты ещё девочка.

– Ну да. Она тоже, – кивнула Марина в сторону стажёрки.
– Я с ней про кость разговаривала. Она тоже не знает, что это такое.

Галина рассмеялась: «Блин, Маринка. Ты чего у Крупской не спросила?»

– Спросила. Вот она тоже смеялась, а потом сказала, что там дубина, а не кость. Она отца боится. Я что, дура что ли, у отца спрашивать?

– Вот эта, – Галина кивнула в сторону стажёрки, – живёт половой жизнью. Гинеколог там смотрит с помощью инструмента. Оно называется «зеркало». А тебя не смотрят, потому что ты девочка и тебя могут порвать. Понятно? – Марина кивнула. Это ей было понятно. Нет, как туда можно затолкать зеркало, она не понимала. Но подумала, что сейчас это неважно. Про кресло смутно догадалась, ибо видела его в кабинете врача. – Теперь про кость. У мужчин между ног член. Видела? – девушка сделала такие большие глаза, что Галина поспешила исправиться. – На картинке видела? Видела, какой он маленький? Просто писюнчик. Когда мужчина собирается заняться сексом с женщиной, его писюнчик вырастает и становится твёрдым, как кость. Иначе он в женщину не попадёт. Ясно? Так вот, по писюнчику можно узнать, нравимся мы им или нет.

Вот сейчас было более-менее ясно, но не совсем. Одно поняла Марина, что на работе она никому не нравится, а были у Андрея писюнчик или кость, она не помнит. Не обращала на это внимание.

Глава 15. Ночной звонок

А я молчала, как кричала.

Твоя ль вина, что ты не понял...

Не надо начинать сначала.

Прошло, промчалось... Не догоним.

Тамара Шульга

«Приамурье» альманах. 2008 г. С. 159-164

Жизнь шла своим чередом.

Воробьи громко освещали новости приближающейся весны. Лиственницы раскрыли свои изумрудные розетки. Прощедший дождь застывал бриллиантовой россыпью среди нежных мягких иголочек. Воздух наполнялся запахами оттаявшей земли. Безлистные ветви багульника щедро украшались розовыми цветами. Но по утрам на лужах ещё звенел тонкий лёд.

Река нахмурилась, потемнела, вздыбилась. Неправильными геометрическими фигурами спускались по ней огромные льдины. Они напоздали одна на другую, вставляли на дыбы, а потом ломались и продолжали свой путь дальше.

В природе жило предчувствие любви. Маринино сердечко отсчитывало дни до скорой встречи. Она пропадала теперь в библиотеке: в читальном зале с её стола уже не убирали книги. Девушка приходила. Улыбалась. Здравовалась. Проходила

на своё место. Завсегдатаи её уже знали. Улыбались в ответ. А библиотекарьши относились благосклонно к приветливой читательнице.

Марина строчила мелким бисерным почерком, уместив две строчки в клеточку размером пять на пять миллиметров. Когда солнечный свет падал на её перьевую ручку, выгравированный дракон на колпачке ей подмигивал. Но всё чаще и чаще девушка «зависала» над страницей. Тогда её сердечко начинало стучать быстрее, щёки розовели. О чём она думала? Она была счастлива и боялась своего счастья, словно украдала его у другого, словно была недостойна.

Про предложение Андрея девушка всё-таки «проболталась» маме. Вышло это как бы случайно. Марина сидела дома на ковре и игралась с собакой. Мама за столом стряпала пирог.

– Что происходит с тобой в последнее время? Ты сама не своя. С девчонками никуда не ходишь. Поругались, что ли? – спросила женщина, стряхивая с рук муку.

– Мама, кажется, я скоро выйду замуж. Андрей позвал, – едва слышно прошептала она. – Что ты думаешь?

– А мне что думать? Думай ты, не я же выхожу замуж, – улыбнулась мама.

– Но я его совсем не знаю.

– А сама-то ты чего хочешь?

– Я люблю его, – вздохнула Марина.

Мама ничего не ответила. Потом, не в этот день, в другой,

девушка услышала случайно разговор родителей. Отец говорил, что надо осенью будет квартиру купить во Владике для Марины. Мама собиралась в отпуск съездить, посмотреть город. Путёвку на океан присмотрела: и отдохнёт, и квартиру подыщет. «Там Инна живёт, помнишь, работала у нас когда-то? За моряка вышла замуж и уехала туда. У неё спросу».

Значит, родители приняли её решение. Это обнадеживало девушку. Но события она не торопила и не спешила радовать Андрея предстоящей покупкой.

Дни стояли погожие, и девушка часто после библиотеки убегала к реке. Там она садилась на крутом берегу, свесив ноги, и смотрела на воду. Скоро, совсем скоро она поедет к нему.

– Привет самой прекрасной из принцесс. Если бы мы жили на Кавказе, я давно бы похитил тебя, – раздался за спиной весёлый знакомый голос.

– О, к нам пожаловал сам последний потомок аварского хана, – засмеялась Марина, поднимаясь с земли. – Фарух, давно тебя не видела. Домой ездил? – обратилась девушка не к «потомку аварского хана», а к стоявшему рядом с ним высокому и худому как жердь усатому молодому человеку.

– Привет, Марина. Да, я же говорил, мою Машу замуж братья хотели выдать за богатого человека.

И только сейчас девушка увидела красивую скромную молодую женщину. Она стояла чуть поодаль и теребила косу.

– Это и есть твоя Маша? – Марина подошла к женщине.
– Я Марина. А ты – Мукафат? Я правильно твоё имя произнесла? Мне Фарух все уши про тебя прожужжал.

– А мне – про тебя, – голос у Мукафат был певучий, приятный. – Мы за тобой пришли. Радж шашлыки собирается делать.

– А как вы меня здесь нашли? – удивилась Марина.

– Ты всю последнюю неделю сюда ходишь. Наши сказали, – за всех ответил тот, кого Марина назвала последним потомком аварского хана, он же Радж.

– Понятно, а я уже, грешным делом, решила, что сам следил.

– Конечно, следил, чтобы не обидел никто. Если кто пальцем тронет, будет иметь дело со мной...

– Знаю, знаю, – перебила Раджа Марина.

Это были старые и добрые друзья девушки. Она уже и не помнила, при каких обстоятельствах познакомилась с Фарухом, а через него с Раджем. Последний был весельчаком и балагуром. В компании этих молодых людей девушка чувствовала себя свободно. Они не сыпали пошлыми шутками, не приставали, никогда не отпускали домой одну, если сиделки затягивались, и дарили скромные подарки.

– Рассказывай, кого здесь ждёшь? – не унимался Радж, – я должен с ним познакомиться и поговорить как мужчина с женщиной. Узнать его намерения. Ты нам как сестра.

Она улыбнулась, но про Андрея промолчала. Сказала, что

готовится к сессии.

Они пошли в маленький домик, который затесался среди вагончиков. Мангал уже вовсю дымил, а шашлыки жарились. Народу было достаточно, и большей частью незнакомые мужчины и женщины. Девушка знала, что Фарух после двух недель на трассе подрабатывал грузчиком в магазине. Судя по женщинам, они были именно из торговли. А мужчины по большей части являлись земляками Фаруха и Раджа. Марину вместе с Машей усадили на почётное место. Но долго девушка засиживаться не могла. Надо было выходить в ночную смену.

Молодые люди проводили её до остановки, посадили на такси, заплатили таксисту и назвали адрес. На работу она чуть припоздала. Надежда Константиновна, учуяв запах шашлыков, принялась ворчать: «Якшаешься непонятно с кем. Смотри, обрюхатят и бросят. Я их хорошо знаю».

– Нет, они хорошие. Фарух невесту привёз. Праздник устроили. Она никого здесь не знает. Такая красивая и такая счастливая. Он её так любит, – Марина была счастлива счастьем друзей.

– Дура ты, Маринка, сколько он тебе подарков дарил, упустила парня, – вступила в разговор Галина.

– Да мы же с ним просто друзья, – отмахнулась Марина.

– Могли бы шашлык передать, – проворчала Надежда Константиновна. – Что взять с них, мужики. Ладно, иди поработай, а я перекурю пока, на пустой желудок.

Но на пустой желудок курить не пришлось. Вскоре приехал Радж с порцией шашлыков и нарезкой из овощей. Марина и Надежда Константиновна спустились к посетителю.

– Что, остатки привёз, что самим негоже, то нам сойдёт? – продолжала ворчать Надежда Константиновна. – Вот сказать, кто ты? Только не обижайся... где стопарик к шашлыкам? На сухую есть не могу.

Радж уже раньше бывал на работе у Марины, напарниц её знал хорошо и поэтому не обижался: « Я вам чай привёз, настоящий горный. Душистый, из трав», – и протянул пакет.

– Вот зачем нам твой силос? Мы на коров непохожи. Ни чифирнуть, не закурить. Ладно, давай уж и проваливай, пока начальство не застучало, – Надежда Константиновна взяла пакет с мясом и чаем и пошла наверх, оставив молодых людей наедине.

– Ты на неё не обижайся, – улыбнулась Марина.

– Если бы я на всех обижался, то давно бы уже водоносом работал. Уезжаю я завтра, на трассу, а потом к себе, – зачем-то добавил он. – Ночью с работы забирать не надо?

– Нет, у нас сегодня до утра. Спасибо.

Молодой человек сбежал по лестнице, прыгнул в свой мотоцикл.

– Прокатиться не хочешь? – спросил, – она не будет ругаться. Я её знаю.

Марина догадывалась. Надежда Константиновна была знакома с Раджем, но что их связывало - не говорил ни один,

ни другой.

Не успели они попрощаться, как сверху послышался крик Галины, что Марине звонят.

Перепрыгивая через ступеньку, запыхавшись, девушка вбежала в кабинет. Белая трубка телефонного аппарата лежала в ожидании на столе.

– Андрей, – проговорила Марина...

Глава 16. Не ждали... (наши дни)

*Просто время реке оживать,
Время падать дождям
Вместо снега,
И быломu былъём прорасти...
Просто время очнуться от бега.
Тамара Шульга
«Дальний Восток». 1985 г. № 3*

Она сегодня не вернулась домой. Василий ещё вчера уехал по делам, а её оставил на верного Сальника.

– Слышь, Сальник, тебя дома ждут, а ты мои брюки здесь охраняешь. Что со мной станется? Кому я триста лет упала? Это у Колчака крышняк на старости лет поехал. Езжай, я тебе говорю. Если что, на такси доеду, – от машины она сама отказалась. Около офиса не было тёплого гаража. А прогреть машину в сорокаградусный мороз ещё то удовольствие.

Сальник упирался недолго. Работы пока не было. Да и же-на весь мозг кофейной ложечкой выколупала, даже на развод собралась подавать: как появилась Марина, так рабочий день стал заканчиваться далеко за полночь. Какая женщина такое выдержит?

Марина же в коттедж не торопилась. Как только Сальник скрылся, накинула на плечи дублёнку, вызвала такси и по-

ехала к Айгульке.

– Как это тебя твой благоверный отпустил? – засмеялась подруга.

– Как, как? Кверху сама знаешь чем. Я телохранителя домой спроводила. Сейчас будем отмечать мою инсталляцию в городе моей юности. На стол накрывай, – Марина вытащила из сумки бутылку шампанского.

– О, точно будет праздник. Особенно если твой тебя найдёт!

Вдвоём пить скучно. Женщины позвали Софью. Благо, после переселения из ветхого жилья все получили квартиры в одном квартале. Софья согласилась не сразу: «Завтра на работу...» – отмахнулась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.